

Марио
Пьюзо

КУЛЬТОВЫЙ РОМАН XX ВЕКА

КРЕСТНЫЙ
ОТЕЦ

Марио Пьюзо
Крестный отец
Серия «DETECTED»
Тайна, покорившая мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68979030
Крестный отец / Марио Пьюзо ; [перевод с английского М. Ю.
Молчанова]: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184856-9

Аннотация

«Крестный отец» давно стал культовой книгой. Пьюзо увлекательно и достоверно описал жизнь одного из могущественных преступных синдикатов Америки – мафиозного клана дона Корлеоне, дав читателю редкую возможность без риска для жизни заглянуть в святая святых мафии.

Роман Пьюзо лег в основу знаменитого фильма, снятого Фрэнсисом Фордом Coppola. Эта картина получила двенадцать различных наград и по праву считается одной из лучших в мировом кинематографе.

Клан Корлеоне – могущественнейший во всей Америке. Для общества они торговцы маслом, а на деле сфера их влияния куда больше. Единственное, чем не хочет марать руки дон Корлеоне, – наркотики. Его отказ сильно задевает остальные семьи. Такое

стареющему дону простить не могут. Начинается длительная война между кланами. Еще живо понятие родовой мести, поэтому остановить бойню можно лишь пойдя на рискованный шаг. До перемирия доживут не многие, но даже это не сможет гарантировать им возмездие от старых грехов...

«Благодаря блестящей экранизации Фрэнсиса Копполы эта история получила культовый статус и миллионы поклонников, которые продолжают перечитывать этот роман». – Library Journal

«Вы не сможете оторваться от этой книги». – New York Magazine

Содержание

Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	99
Глава 3	133
Глава 4	137
Глава 5	147
Глава 6	152
Глава 7	162
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Марио Пьюзо

Крестный отец

Посвящается Энтони Клири

Ни одно крупное состояние немислимо без преступления.

Оноре де Бальзак¹

Школа перевода
В. Баканова

Mario Puzo

The Godfather

Copyright © 1969 by Mario Puzo

¹ В качестве эпиграфа использована искаженная цитата из романа «Отец Горио» (1835), с подачи Марио Пьюзо получившая широкое распространение. Полный вариант звучит так: «Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, сокрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано» (пер. Е. Корша). – *Здесь и далее прим. пер.*

© Молчанов М.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Книга первая

Глава 1

Америго Бонасера сидел в Третьем отделении уголовного суда города Нью-Йорка и ждал, когда меч правосудия покарает негодяев, что попытались обесчестить и жестоко избили его дочь.

Судья засучил рукава мантии, будто собственными руками собирался наказать двух молодых людей, сидящих на скамье подсудимых. Его суровое крупное лицо выражало холодное презрение. Тем не менее Америго Бонасера чувствовал в происходящем какую-то непонятную фальшь.

– Вы повели себя как настоящие выродки, – жестко произнес судья.

«Да, да! – мысленно кивал Бонасера. – Как звери. Даже хуже». Молодые люди, коротко стриженные и гладко выбритые, покорно склонили набриолиненные головы, изображая раскаяние.

– Вы показали, что мало отличаетесь от дикарей в джунглях, – продолжал честить их судья. – Ваше счастье, что не дошло до изнасилования, иначе сидеть вам за решеткой по двадцать лет.

Он помолчал, воровато стрельнул глазами в сторону Бо-

насеры, потом устался на стопку отчетов о поведении поднадзорных и, нахмутив мохнатые брови, вздохнул, словно шел наперекор своим убеждениям.

– Однако, – продолжил он, – поскольку вы молоды, ранее не судимы, принадлежите к уважаемым семействам и поскольку мы здесь за тем, чтобы вершить правосудие, а не возмездие, я приговариваю вас лишь к трем годам тюремного заключения. Приговор вынесен условно.

Только благодаря профессиональной выдержке, накопленной за сорок лет работы мастером похоронных дел, на желтоватом лице Америкго Бонасеры не отразилось ни тени негодования и ненависти. Его красавица дочка лежит в больнице с шинированной челюстью, а этих скотов – этих *animales* – отпускают? Фарс какой-то. Он смотрел, как улыбающиеся родители обнимают своих сынишек. Конечно, чего бы им всем не радоваться?

К горлу комом подкатила горькая желчь, выступила через плотно стиснутые зубы, и Бонасера прикрыл рот чистым льняным платочком. Так он и стоял, а молодые люди свободно шли по проходу, самоуверенные и довольные, не удостоив старика даже взглядом. Он молча пропустил их мимо, не отнимая платка от губ.

Следом шли родители этих негодяев – двое отцов и две матери одного возраста с Бонасерой, но одетые более по-американски. В их слегка стыдливом взгляде читался некий надменно-победоносный блеск.

Не сдержавшись, Америго Бонасера высунулся в проход и хрипло прокричал, промакивая платком глаза:

– Вы у меня еще поплачете! Будете плакать так же, как я плачу из-за ваших детей!

Адвокаты, замыкающие процессию, стали подгонять своих клиентов, не пуская недавних подсудимых, которые двинулись было назад защищать родителей. Широкоплечий пристав спешно перегородил ряд, где стоял Бонасера. Впрочем, надобности в этом не было.

Все годы, прожитые в Штатах, Америго Бонасера верил в правосудие – тем и преуспевал. Теперь его сердце пылало ненавистью, а в голове металась безумная мысль купить пистолет и пристрелить малолетних негодяев. Тем не менее он нашел силы повернуться к жене, все еще оторопелой от случившегося.

– Над нами надругались, – произнес Бонасера, уже зная, что нужно делать, и понимая, что за ценой не постоит. – Если мы хотим справедливости, то должны пойти на поклон к дону Корлеоне.

* * *

В безвкусно обставленном номере лос-анджелесской гостиницы Джонни Фонтейн, как всякий мужчина и супруг, заливал ревность скотчем. Развалившись на красном диване, он пил прямо из горлышка бутылки, а потом полоскал

рот глотком талой воды из ведерка со льдом. Было четыре утра, и в пьяном полубреду Джонни воображал, как расправится с женой, когда та вернется с очередной гулянки. Если вернется. Звонить бывшей и спрашивать про детей было уже поздно, а друзьям – неловко. Да, раньше его звонки посреди ночи им даже льстили, но теперь, когда карьера Джонни неслась под откос, скорее раздражали. Он усмехнулся, вспомнив, как в пору взлета на его зов с готовностью откликались знаменитейшие актрисы Америки...

Делая очередной глоток, Джонни услышал, как в замке поворачивается ключ, но не встал с дивана и продолжал пить, пока жена не вошла в комнату. Он восхищался ее красотой: ангельским личиком, ласковыми фиолетовыми глазами, хрупкой, но идеально сложенной фигурой. На экране эти черты становились еще более выразительными, почти неземными. Миллионы мужчин по всему миру боготворили образ Марго Эштон и платили деньги, чтобы смотреть на нее снова и снова.

– Где тебя носило? – рявкнул Джонни Фонтейн.

– Трахалась.

Джонни был трезвее, чем выглядел. Он перемахнул через коктейльный столик, схватил жену за горло, но, оказавшись вплотную с этим чарующим лицом и милыми глазами, тут же растерял весь свой гнев. Марго позволила себе ухмыльнуться, и зря: Джонни мгновенно сжал кулак.

– Только не по лицу! – взвизгнула она. – У меня съемки!

«Издевается!» – подумал Джонни и ударом в живот повалил жену на пол, а сам уселся сверху. Марго хватала ртом воздух, обдавая мужа ароматным дыханием. Он бил ее по рукам, по шелковистым, загорелым бедрам. Он бил ее, как давным-давно, подростком, избивал сопляков на улицах нью-йоркской Адской Кухни² – больно, но не оставляя травм вроде выбитых зубов или сломанного носа.

Однако бить в полную силу ему не хватало духу, и от этого Марго раззадорилась еще сильнее. Распластанная на полу, с задранным до пояса парчовым платьем она сквозь смех подначивала:

– Ну же, Джонни, засади мне! Засади! Ты же этого хочешь!

И Джонни Фонтейн сдался. Он ненавидел жену, но красота делала ее неуязвимой. Марго перекатилась в сторону, грациозно вскочила на ноги и стала приплясывать, напевая:

– Джонни, мне не больно, Джонни, мне не больно!

А потом, печально поджав губки, сказала:

– Дурачок ты. Устраиваешь мне порку, а дерешься как мальчишка... Ах, Джонни, мой глупый влюбленный хомячок, ты даже в постели как мальчишка. Все веришь в свои дурацкие песенки о любви... – Вздохнула. – Пока-пока, беденький.

² Адская Кухня – район Манхэттена, также известный как Клинтон, где в основном проживали иммигранты ирландского и итальянского происхождения; свое название получил из-за высокого уровня преступности.

Она ушла в спальню и заперлась на ключ.

Джонни сидел на полу, закрыв лицо руками. Его тошнило от бессилия и отчаяния. Лишь благодаря тупому упрямству, не раз выручавшему его в безжалостных голливудских джунглях, он заставил себя подойти к телефону и вызвать такси до аэропорта. Он полетит в Нью-Йорк – к единственному человеку, который может ему помочь. К человеку, обладающему властью, а еще мудростью и теплотой, которых Джонни так не хватает. К своему крестному отцу Корлеоне.

* * *

Пекарь Нацорине, пышный и румяный, как и его фокачка, упер испачканные мукой руки в бока и сурово оглядел жену, дочку на выданье и помощника Энцо. Тот стоял перед Нацорине, уже переодевшись в робу военнопленного с зеленой нашивкой на рукаве, и переживал, что из-за этой сцены опоздает отметить на базе острова Говернорс. Как и тысячи других итальянских солдат, которым заключение заменили трудовой повинностью на благо американской экономики, Энцо пребывал в постоянном страхе, что его вернут в лагерь. Оттого-то и этот спектакль воспринимал абсолютно серьезно.

– Мою семью, значит, захотел опозорить? – строго вопрошал Нацорине. – Услыхал, что войне конец и тебя вот-вот выпрут из Америки обратно на Сицилию месить говно – и

решил оставить моей дочурке подарок на память?

Энцо прижал руку к сердцу.

– *Padrone*³, – произнес он, чуть не плача, хотя и не забывая о приличиях, – клянусь Девой Марией, у меня и в мыслях не было злоупотреблять вашей добротой. Я искренне люблю вашу дочь и с глубоким уважением прошу ее руки. Понимаю, что недостойн, но, если меня отправят назад в Италию, вернуться в Америку и жениться на Катерине я уже не смогу.

– Хватит издеваться над юношей, – вмешалась Филомена, супруга Нацорине. – Ты знаешь, как надо поступить. Укрыть Энцо у нашей родни на Лонг-Айленде.

Катерина рыдала. Она была пухленькая, в отца, и совершенная простушка, да еще и с усиками под носом. Низкорослый и кряжистый, однако по-мужски привлекательный, Энцо был для нее единственной возможной партией – и единственным, кто с таким уважением касался ее укромных мест.

– Если ты не удержишь Энцо, я сбегу из дома! – крикнула она папе. – Я уеду за ним в Италию!

Тот хитро покосился на дочку. Вот ведь вертихвостка... Нацорине видел, как она терлась мясистыми ягодицами об Энцо, когда парень протискивался мимо нее к прилавку, чтобы выложить свежее испеченные лепешки и булочки. «Стоило мне отвернуться, – закралась в голову скабрзная мысль, – как этот пострел наверняка засовывал свой багет к ней в печку». А стало быть, Энцо нужно удержать в Амери-

³ Мастер (*um.*).

ке и обеспечить американским гражданством. Устроить это мог только один человек. Крестный отец. Дон Корлеоне.

* * *

Эти трое, как и многие другие, получили тисненные золотом приглашения на свадьбу мисс Констанции Корлеоне. Торжество было назначено на последнюю субботу августа 1945 года. Отец невесты, дон Вито Корлеоне, про старых друзей и соседей не забывал, хоть сам уже давно переехал в особняк на Лонг-Бич. Там же с утра до самой ночи должен был проходить праздничный прием, обещавший, без сомнения, стать грандиозным событием. Война с Японией закончилась, поэтому страх за воюющих где-то далеко сыновей веселья никому не омрачал. А где еще давать волю радости, как не на свадьбе?

И вот субботним утром друзья дона Корлеоне отправились из Нью-Йорка на загородное празднество. У каждого был кремового цвета конверт со свадебным подарком – пачкой наличных. Никаких чеков. В каждом конверте также лежала карточка с именем дарителя и величиной его уважения к крестному отцу – уважения искреннего и заслуженного.

Любой мог обратиться к дону Вито Корлеоне за помощью, и никто не уходил обиженным. Дон не давал пустых обещаний и не искал трусливых отговорок – мол, руки у него связаны более могущественными силами. Причем совершенно

не важно, считает ли он тебя другом и можешь ли ты хоть чем-то ему отплатить. Условие только одно: ты сам должен назвать себя другом Корлеоне. Этого хватало, чтобы дон отнесся к бедам просителя, пускай самого бедного и ничтожного, как к своим, а потом решил их проблемы, невзирая ни на какие преграды. А что взамен? Лояльность и уважительное обращение «дон» или, порой, более ласковое – «крестный отец». А иногда, в знак почтения и никак не в качестве дани, – галлон домашнего вина или корзинку перченых таралли⁴, специально испеченных к рождественскому столу благодетеля. Приличным, даже вполне естественным, также считалось говорить всем, что ты у него в долгу и что он имеет право в любой момент обратиться к тебе за какой-нибудь ответной услугой.

В этот большой день, в день свадьбы дочери, дон Вито Корлеоне стоял на крыльце своего особняка и приветствовал гостей. Каждого из них он знал и каждому доверял. Многие были обязаны дону своими жизненными успехами и не стеснялись называть его «крестным отцом» на людях – тем более что повод такой семейный. Даже организацией праздника занимались друзья. Напитки разливал старый товарищ дона, профессиональный бармен; он же и обеспечил свадьбу алко-голем. Закуски разносили приятели сыновей дона. Всю еду

⁴ Таралли – итальянское хлебобулочное изделие, напоминающее сушки; бывает сладким или со специями. Распространенное угощение на Сицилии, где его употребляют, макая в вино.

для застолья приготовили жена дона и жены его соратников, а веселенькие гирлянды и другие украшения по всему саду, раскинувшемуся на добрый акр, развесили подружки невесты.

Дон Корлеоне выказывал глубокое почтение всем гостям. богатым и бедным, влиятельным и простым. Он никого не обходил стороной – таков был его принцип. Гости, в свою очередь, так восторгались его костюмом, что случайному прохожему могло бы показаться, будто дон и есть счастливый жених.

Рядом с ним на крыльце стояли двое сыновей. Хотя старшего крестили как Сантино, все, кроме отца, называли его Санни. Пожилые итальянцы смотрели на Санни неодобрительно, молодежь – с обожанием. Ростом под метр восемьдесят, он был высок для потомка иммигрантов в первом поколении, а из-за пышной курчавой шевелюры казался еще выше. Лицом Санни Корлеоне напоминал откормленного купидона; среди аккуратных черт выделялись пухлые, чувственные губы с острой впадинкой и почти неприличная ямочка на подбородке. Телосложение у него было бычье, а о размерах мужского достоинства ходили легенды. Поговаривали, будто его жена страшилась первой брачной ночи, как средневековые безбожники – дыбы. Шептались также, что, когда юный Санни посещал порочные заведения, даже самые прожженные из *puttane*⁵ при виде его органа требовали двой-

⁵ Проститутки (*ит.*).

ную плату.

Некоторые гости из тех, что помоложе, крутобедрые и большеротые, смотрели на Санни Корлеоне хозяйским взглядом, однако в этот день все их усилия были напрасны. Хотя на свадьбе были его жена и трое детей, Санни уже положил глаз на главную из подружек невесты – Люси Манчини. Девушка знала, что ее ждет. Она сидела за садовым столиком, одетая в строгое розовое платье и с цветочным венком в блестящих черных волосах. Всю прошлую неделю на репетициях она заигрывала с Санни, а утром у алтаря пожала ему ладонь. Большого незамужней девушке не позволялось.

Люси не было дела до того, что Санни нипочем не сравнится с отцом. Да, он храбр, силен и щедр, а сердце у него не уступает по размерам мужскому органу. Однако ему недостает отцовской сдержанности, и вспыльчивый темперамент нередко толкает его на необдуманные поступки. Санни во всем помогал дону, однако мало кто верил, что он унаследует семейное дело.

Второго сына звали Фредерико, для своих – Фредди или Фредо. О таком ребенке молил святых каждый итальянец: ответственный, верный, всегда готовый услужить и даже в тридцать лет живущий в родительском доме. Он был невысок, широкоплеч, некрасив, но с такой же купидоньей головой, богатой курчавой шевелюрой и пухлыми губами. Вот только во Фредо, в отличие от Санни, они подчеркивали не чувственность, а суровую угрюмость. Тем не менее средний

сын служил надежной опорой отцу, никогда ему не перечил и не позорил фамилию скандальными выходками с женщинами. Увы, невзирая на все эти качества, Фредо не хватало природного магнетизма и животной силы, столь необходимой лидеру, а потому его тоже не прочили в преемники дона.

Был и третий сын, Майкл Корлеоне. Он не стоял рядом с отцом и братьями, а сидел за столиком в самом глухом уголке сада, хотя даже там не мог избежать внимания друзей и знакомых.

Майкл был младшим сыном дона и единственным, кто ни в чем не походил на отца. Лицо у него было узкое, а черные, как смоль, волосы лежали прямо, без намека на кудри. Смугловатая кожа сделала бы честь любой красавице, да и вообще его изящная внешность отдавала какой-то девичьей привлекательностью. Было время, когда дон всерьез сомневался в мужественности сына. Впрочем, в семнадцать лет Майкл Корлеоне доказал, что все опасения беспочвенны.

Теперь младший сын сидел за отдельным столиком, как бы подчеркивая желание дистанцироваться от родни. Рядом с ним сидела молодая американка – о ней все слышали, но до сего дня еще никто не видел. Майкл, конечно же, в полном соответствии с этикетом представил ее всем гостям, в том числе родственникам. Те не впечатлились: слишком худая, слишком бледная; лицо слишком умное для женщины, поведение слишком раскованное для девицы. Да и зовут ее как-то чужеродно: Кей Адамс. Скажи она, что имя у нее впол-

не обыкновенное для семейства, чьи предки переселились в Америку двести лет назад, все только пожали бы плечами.

Гости, естественно, заметили, что и дон почти не обращает внимания на младшего. До войны Майкл был его любимчиком и наиболее вероятным преемником в семейном деле. Умом и силой воли он не уступал родителю, а также имел врожденный талант любым своим поступком вызывать уважение окружающих. Однако когда началась Вторая мировая, Майкл Корлеоне пошел добровольцем в морскую пехоту – наперекор воле отца.

Дон не желал, чтобы его младший сын отдавал свою жизнь за страну, которая даже не была ему родиной. Он подкупил врачей, договорился с комиссией – все эти меры стоили ему больших денег. Но Майкл уже в двадцать один год привык добиваться желаемого. Он самочинно явился на призывной пункт, и его отправили воевать на Тихоокеанский фронт. Там он заработал награды и дослужился до капитана. В 1944 году его фотографию с перечислением всех подвигов напечатали в журнале «Лайф». Когда кто-то из друзей показал дону этот разворот (родные так и не решились), тот разочарованно хмыкнул и сказал: «Такие подвиги, и все ради посторонних».

В начале 1945 года младшего Корлеоне комиссовали по ранению – он даже не подозревал, что за этим решением стоял отец. Несколько недель Майкл провел в родительском доме, а затем, ни у кого не спросившись, поступил в Дартмут-

ский колледж города Хановер, штат Нью-Гемпшир. Вернулся он только теперь, на свадьбу сестры, да еще и в компании будущей супруги – американки, похожей, по общему мнению, на бледный скелет.

Майкл развлекал Кей Адамс забавными анекдотами из жизни наиболее колоритных гостей. Его же, в свою очередь, забавлял и умилял живой интерес подруги ко всему, что казалось ей новым и экзотичным. Теперь ее внимание привлекла группка мужчин, собравшихся у бочонка с домашним вином. Это были Америкго Бонасера, пекарь Нацорине, Энтони Коппола и Лука Брази. Со свойственной ей проницательностью Кей заметила, что, судя по выражению лиц, общего веселья те четверо не разделяют.

– Еще бы, – подтвердил Майкл с улыбкой. – Они пришли просить моего отца об услуге и теперь ждут возможности поговорить с ним лично.

И правда, нетрудно было заметить, как внимательно они высматривали дону в толпе.

Тем временем на противоположной стороне от мощеного подъезда остановился черный «Шевроле». Сидевшие впереди двое мужчин в пиджаках достали блокноты и, ничуть не скрываясь, принялись записывать номера машин, припаркованных перед особняком.

– Легавые, как пить дать, – произнес Санни, поворачиваясь к отцу.

Тот лишь пожал плечами:

– Что я могу сделать? Они на улице, а не у меня во дворе.

– Ублюдки паршивые. – Пухлое лицо Санни налилось кровью. – Никакого почтения.

Он спустился с крыльца и подошел к седану. Увидев перед собой разъяренное лицо, водитель спокойно раскрыл бумажник и предъявил зеленую карточку. Санни молча отошел и сплюнул на асфальт, но так, чтобы брызги попали на заднюю дверь. Затем направился к особняку, надеясь, что водитель выскочит и пойдет за ним. Не выскочил.

– Они из ФБР, – сказал Санни, подходя к отцу. – Записывают номера всех автомобилей. Козлы вонючие.

Дон Корлеоне и так знал, кто приехал и зачем. Ближайших друзей заранее предупредили, чтобы воспользовались чужими машинами. Гневную сыновью выходку дон не одобрял, однако она пришлась кстати: пусть федералы думают, что их появление было неожиданностью. Сам Вито злости не испытывал. Он давно усвоил, что пощечины от общества следует принимать со смирением; ведь настанет час, когда даже самым могущественным мира сего не избежать заслуженной расплаты, – главное быть готовым. Именно это объясняло непоколебимую сдержанность дона, которой так восхищались друзья и знакомые.

Прибыли последние гости, и в саду за особняком заиграл музыкальный квартет. Дон Корлеоне выбросил из головы мысли о федералах и вместе с сыновьями присоединился к свадебному гулянию.

В просторном саду собрались несколько сотен человек. Кто-то танцевал на дощатом помосте, утопающем в цветах, остальные сидели за длинными столами, что ломились от острых блюд и кувшинов с густо-красным домашним вином. Невеста, Конни Корлеоне, восседала на почетном возвышении вместе с женихом, подружками и друзьями молодых. Это была старомодная итальянская свадьба – «деревенская», как брезгливо говорила Конни. Она согласилась на подобный праздник, лишь чтобы угодить отцу, который не одобрял будущего зятя.

Жених, Карло Рицци, был сицилийцем только наполовину. Светлые волосы и голубые глаза он унаследовал от матери, уроженки Северной Италии. Сейчас родители Карло жили в Неваде, но он покинул штат из-за проблем с законом. В Нью-Йорке молодой человек познакомился с Санни Корлеоне, а затем и с его сестрой. Дон, конечно же, отправил доверенных друзей в Неваду узнать, чем же юноша провинился. Те выяснили, что дело в неосторожном обращении с оружием – ничего серьезного, достаточно подправить записи, и парень снова чист. Также они привезли подробный отчет о невадских игорных домах, заставивший дона крепко задуматься. Умение извлекать выгоду из чего угодно было еще одной стороной его величия.

Конни Корлеоне нельзя было назвать очаровательной. Худая и дерганая, она обещала в будущем стать настоящей мегерой. Но сегодня, в белоснежном платье и лучащаяся девственностью, девушка выглядела почти красавицей. Положив ладонь на могучее бедро жениха, она вытянула губы в воздушном поцелуе.

Мужчины прекраснее Конни и вообразить не могла. Ее новоявленный супруг с детства трудился под жарким пустынным солнцем. Накачанные руки и плечи едва влезли в рукава пиджака. Карло купался в обожающем взгляде невесты, постоянно подливая вина ей в бокал. Он был изыскан и любезен, словно они на пару разыгрывали какую-то пьесу, однако то и дело стрелял глазами в сторону туго набитой конвертами шелковой сумочки, что висела у Конни на правом плече. Сколько же там денег? Десять тысяч? Двадцать? «Это только начало», – усмехнулся Карло Рицци сам себе. Все-таки он теперь член королевской семьи, так что его любому не обделят.

На сумочку засматривался и сидевший среди гостей Поли Гатто – шустрый молодой человек с узкой, почти крысиной, физиономией. Забавы ради он прикидывал, как бы умыкнуть эту кучу денег. Чисто по привычке. Умом Поли понимал, что это досужие, невинные мысли ребенка, мечтающего стащить с полки коробку пистонов. Еще он поглядывал на своего босса – пожилого Питера Клеменцу, который отплясывал на помосте сладострастную тарантеллу. Неверо-

ятно рослый и необъятный, Клеменца кружил девушек, казавшихся на фоне его крохотными, с таким умением и задором, что зрители восторженно аплодировали. Тяжелое брюхо развратно терлось о молоденькие грудки. Женщины перехватывали партнера друг у друга. Парни уважительно отходили в сторону и хлопали в такт брэнчанию мандолины. Когда Клеменца, выдохшись, рухнул в кресло, Поли Гатто поднес ему бокал холодного вина и промокнул массивный потный лоб шелковым платком. Босс, шумно пыхтя, крупными глотками осушил бокал.

– Чем разглядывать танцоров, делом бы занялся, – резко произнес он вместо благодарности. – Обойди территорию, посмотри, всё ли в порядке.

Поли послушно скрылся в толпе.

Музыканты взяли перерыв, чтобы освежиться. Парень по имени Нино Валенти подхватил бесхозную мандолину, поставил левую ногу на стул и заиграл фривольный сицилийский мотивчик. Лицо у Нино было приятным, но слегка опухшим от нескончаемого пьянства. Он уже был навеселе и, закатывая глаза, горланил скабрёзную песенку. Женская публика визжала от восторга, а мужчины хором подхватывали за солистом окончания строчек.

Дон Корлеоне, не одобрявший подобное поведение, хотя его дородная супруга весело подпевала остальным, незаметно удалился в дом. Увидев это, Санни подошел к столу новобрачных и присел рядом с главной подружкой невесты, Лю-

си Манчини. Ему никто не мешал. Жена была на кухне, доделывая последние украшения на свадебном торте. Санни прошептал на ухо девушке пару слов, и та удалилась. Сам он выждал несколько минут и неторопливо пошел в том же направлении, время от времени останавливаясь поболтать с гостями.

Все, однако, знали, что происходит. Люси, за три года колледжа полностью обамериканившаяся, была в полном соку и уже обладала «репутацией». Во время свадебных репетиций она шутливо – насколько позволяли приличия – заигрывала со старшим из братьев Корлеоне, ведь он как шафер жениха был ее партнером на церемонии. Придерживая руками розовое платье, Люси Манчини с делано-невинной улыбкой вошла в особняк и легко взбежала по лестнице в уборную. Когда она выглянула оттуда, Санни Корлеоне уже стоял на площадке этажом выше и жестом подзывал девушку.

* * *

Рабочий кабинет дона располагался в угловой комнате, между первым и вторым этажом особняка. У окна стоял Томас Хейген и наблюдал за весельем в саду. Вдоль стен за его спиной тянулись полки, уставленные книгами по праву. Хейген был личным юристом дона, а также исполнял обязанности консильери, то есть советника, а значит, играл вторую по важности роль в семейном деле. В этом кабинете они с доном

Корлеоне распутали не одну проблему. Когда крестный отец покинул праздничный стол и направился к дому, Хейген понял, что свадьба свадьбой, а поработать придется. Затем он увидел, как Санни Корлеоне перешептывается с Люси Манчини и удаляется следом за ней. Какой дешевый фарс... Том хмыкнул, но дону решил не сообщать. Когда Вито Корлеоне вошел в кабинет, Хейген передал ему написанный от руки список людей, допущенных до личной встречи. Дон проглядел его и кивнул.

– Бонасеру оставим под конец.

Через застекленные двери Хейген вышел прямо в сад, к просителям, которые кучковались у винного бочонка, и указал на пухлого Нацорине.

Дон Корлеоне приветствовал пекаря объятием. Они дружили с самого детства, когда еще мальчишками играли на итальянских улочках. Каждую Пасху в особняк Корлеоне привозили свежевыпеченные пироги с рикоттой и ростками пшеницы, покрытые золотистой яичной корочкой и размером с колесо грузовика. На Рождество или в дни рождения непременно была выпечка с кремом. Во все годы, голодные и сытые, Нацорине исправно платил взносы в пекарский профсоюз, организованный доном по молодости. И за это время ни единой просьбы об ответной услуге, разве что о карточках на сахар, выдаваемых управлением по ценовой политике, которые продавались на черном рынке в войну. Теперь настала пора воспользоваться дружбой, и дон Корлеоне был

готов с радостью дать пекарю желаемое.

Он предложил Нацорине сигару «Де Нобили» и рюмку травяного ликера «Стрега», затем ободряюще похлопал старого товарища по плечу, приглашая говорить. Такова была чуткость дона: он сам по горькому опыту знал, как тяжело просить другого человека об одолжении.

Пекарь поведал историю об Энцо: отличный парень, при том сицилиец; попал в американский плен; отправлен в лагерь; выпущен для исполнения трудовой повинности в поддержку союзников... Между порядочным Энцо и дражайшей Катериной, дочерью Нацорине, вспыхнула чистая и благородная любовь. Однако война кончилась, и бедного парня не сегодня завтра выдворят обратно в Италию. Такого расстройства дочка не перенесет. Только Вито Корлеоне под силу спасти влюбленных. Он – их единственная надежда.

Дон, приобняв Нацорине за плечи, расхаживал с ним по кабинету и время от времени ободряюще, с пониманием кивал. Дослушав рассказ, он тепло улыбнулся:

– Забудь тревоги, мой дорогой друг.

Далее крестный отец подробно объяснил, как все будет. Конгрессмену от округа подадут ходатайство. Тот выдвинет законопроект, по которому Энцо сможет получить гражданство. Законопроект непременно одобряют – в Конгрессе все повязаны. Но пройдохи непременно запросят мзду, добавил дон. Нынешняя цена – две тысячи долларов. Дон возьмет деньги и лично проследит за ходом дела. Друг ведь согласен?

Пекарь энергично закивал. Он и не ожидал, что такая услуга окажется бесплатной. Протолкнуть в Конгрессе особый акт недешево – это понятно. Нацорине чуть не плача принялся благодарить дона. Тот проводил друга до двери, заверив, что отправит в пекарню нужных людей, которые заполнят документы и уладят все формальности. Гость напоследок крепко обнял крестного отца и вышел в сад.

– Очень выгодное вложение, – ухмыльнулся Хейген. – И зять, и пожизненный помощник – всего-то за две тысячи долларов... К кому обратимся?

Дон Корлеоне нахмурил лоб.

– Не к итальянцу, это точно. Поменяйте адрес в бумагах и отдайте дело еврею из соседнего округа. Война закончилась, и, думаю, многие наши *paisan*⁶ захотят остаться. Нам понадобятся еще люди в Вашингтоне, которые возьмут на себя приток желающих, не заламывая цену.

Том записал указания дона в блокнот с пометкой: «Не Лу-теко. Фишер».

Следующего просителя звали Энтони Коппола – с его отцом дон Корлеоне в юности грузил вагоны на железной дороге. Дело очень простое: Копполе нужны пятьсот долларов, чтобы оплатить оборудование и специальную печь для открытия пиццерии. Ссуда в банке по определенным причинам невозможна.

Дон достал из кармана пачку банкнот, но пяти сотен в ней

⁶ Парень, пацан (сленг. Ит.).

не набралось. Поморщившись, он обратился к Тому Хейгену:

– Одолжи мне сто долларов. Верну в понедельник, когда схожу в банк.

Коппола начал отнекиваться, мол, и четырехсот будет достаточно, однако дон Корлеоне его прервал.

– Пришлось потратиться на свадьбу, – извинился он, похлопав просителя по плечу. – Наличности почти не осталось.

Он взял у Хейгена деньги и присовокупил к своим.

Консильери наблюдал за действием в безмолвном восхищении. Дон всегда говорил, что по-настоящему щедрый человек никогда не откажет другому. Как, должно быть, польщен Энтони Коппола, что дон, чтобы дать ему взаймы, сам влез в долг! Конечно, крестный отец – миллионер, но всякий ли миллионер готов поступиться удобством ради бедного друга?

Дон вопросительно поднял голову.

– Еще к вам Лука Брази, хоть он и не в списке, – сообщил Хейген. – Хочет передать поздравления лично, не на людях.

Впервые за вечер на лице дона отразилось недовольство.

– Это обязательно? – Он вздохнул.

– Вы знаете его лучше, чем я, – Хейген пожал плечами. – Он был очень рад, что его пригласили на свадьбу. Такая неожиданность... Думаю, он хочет вас поблагодарить.

Дон Корлеоне кивнул и жестом велел привести Луку Брази.

Кей Адамс поразило суровое и жестокое лицо Брази, поэтому она не преминула спросить об этом человеке у Майкла. Майкл же привел Кей на свадьбу как раз за тем, чтобы постепенно, не шокируя будущую спутницу жизни, раскрыть правду о своем отце. До сих пор она считала его обычным дельцом, лишь слегка нечистым на руку. Решив зайти издалека, Майкл объяснил, что Лука Брази – один из самых страшных представителей преступного мира Восточного побережья, главным образом потому, что может убрать неугодного человека в одиночку, без помощников, а значит, почти неуловим для закона.

– Не знаю, правда это или выдумки, – Майкл пожал плечами. – Знаю только, что они с отцом вроде как друзья.

В голове у Кей начало проясняться.

– Не хочешь ли ты сказать, – осторожно уточнила она, – что этот человек работает на твоего отца?

«Эх, была не была!» – подумал Майкл и выложил все как есть:

– Лет пятнадцать назад некие люди захотели отобрать у отца предприятие, занимающееся ввозом оливкового масла. Устроили покушение, которое чуть не увенчалось успехом. Лука Брази за две недели избавился от всех шестерых, тем самым положив конец знаменитой «оливковой войне».

Он усмехнулся, как будто рассказал забавный анекдот.

Кей поежилась.

– То есть твоего отца хотели убить гангстеры?

– Это было давно. С тех пор все улеглось, – успокоил ее Майкл, но сам встревожился, не поспешил ли он.

– Я поняла. Ты хочешь, чтобы я испугалась и передумала за тебя выходить! – Кей улыбнулась и ткнула Майкла локтем в бок. – Очень умно.

Майкл улыбнулся ей в ответ:

– Я лишь хочу, чтобы ты все тщательно обдумала.

– Он в самом деле убил тех шестерых?

– Так писали в газетах, доказать никто ничего не смог. Была, впрочем, еще одна история – якобы настолько ужасная, что даже отец не хочет о ней говорить. Том Хейген в курсе, однако и он отказался рассказывать. Я как-то в шутку спросил у него: «Сколько мне должно исполниться, чтобы я мог узнать ту историю?» Том ответил: «Лет сто, не меньше». – Майкл пригубил вина. – Думаю, теперь тебе понятно, что это за человек.

Лука Брази действительно мог заставить даже дьявола в аду задрожать. Низкорослый, широкоплечий, с массивной головой, самым своим видом он внушал ужас. Лицо его как будто застыло маской злобы. Карий цвет глаз был ближе к могильной земле, чем к теплой охре. Губы оттенка сырого мяса, тонкие и жесткие, всегда казались мертвенно неподвижными.

О склонности Брази к насилию, равно как и о его преданности дону Корлеоне, ходили легенды. Он лично являл собой один из столпов, на которых зиждилась власть дона. Ред-

кой породы человек.

Лука Брази не боялся никого и ничего: ни полиции, ни общества, ни бога, ни дьявола – более того, он всех их презирал. Единственным, кого он уважал и любил, был дон Корлеоне. Так Лука решил сам, по собственной воле. Представ перед доном в его кабинете, он почтительно вытянулся и принялся бормотать цветистые поздравления, а также выразил надежду, что первым внуком будет мальчик. После этого вручил дону пухлый денежный конверт в подарок молодым.

Так вот зачем он просил о встрече! Хейген обратил внимание, как переменялся дон Корлеоне. Тот принимал Брази, как король принимает верного подданного, – с царскими почестями, но без фамильярности. Каждым жестом и каждым словом дон Корлеоне демонстрировал, насколько высоко ценит своего слугу. Он не выразил ни малейшего удивления от того, что свадебный подарок преподносят ему. Он все понимал.

Сумма в конверте явно превышала все, что подарили остальные. Брази потратил не один час, прикидывая, насколько расщедрились другие гости. Он хотел показать, что уважает дона больше всех, и именно поэтому передал конверт ему лично в руки. Дон высокопарно выразил свою благодарность, но указывать на нарушение этикета не стал. Лука Брази расцвел от гордости и удовольствия, злобная маска спала с его лица. Поцеловав на прощание дону руку, он удалился. Хейген предупредительно придержал ему дверь и

улыбнулся, а Брази в ответ вежливо приподнял уголки губ.

Дон Корлеоне выдохнул. Кроме Брази, никто не мог вывести его из равновесия. Он напоминал стихию, неукротимую и неуправляемую. Обращаться с ним следовало аккуратно, как с динамитом. Впрочем, при необходимости даже динамит можно взорвать где-нибудь в глухом месте, без вреда для окружающих.

Дон повел плечами и вопросительно посмотрел на консьюльери.

– После Бонасеры никого?

Хейген кивнул. Вито Корлеоне задумчиво нахмурил лоб и сказал:

– Перед тем как пригласить его, позови Сантино. Пусть поучится.

Том вышел в сад и принялся высматривать в толпе Санни Корлеоне. Попросив Бонасеру набраться терпения, он подошел к Майклу и его подружке.

– Вы Санни не видели?

Майкл мотнул головой. Хейген чертыхнулся про себя. Если окажется, что Санни все это время развлекался с подружкой невесты, будет скандал. Жена, родственники девушки... хлопот не оберешься. Том поспешил к входу в особняк, куда Санни направился с полчаса назад.

Проводив Хейгена взглядом, Кей Адамс спросила Майкла:

– Кто он? Ты представил его как брата, но на итальянца

он совсем не похож, да и фамилия другая.

– Том попал к нам в семью, когда ему было двенадцать, – объяснил Майкл. – Он осиротел, жил на улице, мучился глазами. Санни как-то из жалости привел Тома переночевать, а поскольку идти ему было больше некуда, его оставили. Сейчас он женат и живет отдельно.

– Как романтично! – заинтересованно произнесла Кей. – Твой отец, должно быть, широкой души человек. Усыновить случайного мальчишку, когда у тебя и без того много детей, – это очень благородно!

Майкл не стал уточнять, что в среде итальянских иммигрантов семья с четырьмя детьми считается маленькой.

– Тома не усыновляли, он просто жил и рос с нами.

– Не усыновляли? А почему? – тут же любопытствовала Кей.

Майкл усмехнулся.

– Отец сказал, что негоже Тому менять фамилию. Это было бы неуважением по отношению к его родителям.

Хейген тем временем провел Санни через уличную дверь в кабинет дона, после чего поманил пальцем Америго Бонасеру.

– Почему они пристают к твоему отцу с проблемами в такой день? – спросила Кей.

Майкл снова усмехнулся.

– Потому что знают: обычай не позволяет сицилийцу отказать в просьбе, когда у его дочери свадьба. Естественно,

ни один сицилиец такого случая не упустит.

* * *

Подобрав подол, Люси Манчини взбежала по ступенькам. Массивное купидонье лицо, красное от желания и вина, пугало ее, однако не для того она всю неделю заигрывала с Санни Корлеоне, чтобы теперь прятаться. В колледже у Люси случилось всего два романа; оба продлились не больше недели и никакого удовлетворения не принесли. Второй парень во время ссоры пробормотал, мол, «у тебя там настоящее душло», и после этого до конца учебного года Люси ни с кем не встречалась.

Летом, пока шла подготовка к свадьбе Конни Корлеоне, она наслушалась пикантных историй о ее брате. Как-то воскресным вечером на кухне Сандра, жена Санни, была в настроении посплетничать. Простоватая и добродушная, она родилась в Италии, но еще совсем ребенком попала в Америку. Грудь у нее была большая и тяжелая, под стать дородной фигуре. За пять лет брака Сандра родила троих детей. Вместе с другими женщинами она дразнила Конни ужасами брачной ночи.

– Божечки, – хихикая, рассказывала Сандра, – клянусь, когда я впервые увидела хозяйство Санни и поняла, что оно сейчас окажется во мне, то заорала: «Караул! Убивают!» Целый год после свадьбы у меня внутри все напоминало кашу

из разваренных макарон. Узнав, что муж обхаживает других девушек, я первым делом пошла в церковь и поставила свечку.

Все засмеялись, а Люси ощутила приятный зуд между ног.

Вот и теперь ее переполняло желание. Санни схватил девушку за руку, повлек за собой по коридору и затащил в пустую спальню. Как только дверь за ними закрылась, Люси почувствовала, как слабеют ее ноги. Санни впился в нее горькими от жженого табака губами. Она открыла рот, впуская внутрь его язык. Зашуршало платье, и большие теплые пальцы стянули с Люси атласные трусики и принялись ласкать ей промежность. Люси обхватила Санни за шею и прижала к себе, пока он свободной рукой расстегивал брюки. Затем подхватил ее под голые ягодицы и оторвал от пола, а Люси скрестила ноги у него на бедрах. Его язык снова оказался у нее во рту, и Люси принялась жадно его посасывать. Резким движением Санни прижал ее к двери, да так, что Люси больно ударилась затылком. В живот ей уперлось что-то большое и горячее. Чувствуя, что орудие нуждается в направлении, девушка опустила правую руку. Налитая кровью мышца едва помещалась в ладони и пульсировала, будто зверек. Чуть не плача от предвкушения, Люси погрузила наконечник во влажное, трепещущее лоно. Санни вошел, и она едва не задохнулась от пронзившего тело наслаждения, а ноги сами собой взметнулись вверх. словно колчан, она принимала в себя стрелу за стрелой. С каждым молниеносно-раздирающим

ударом ее поясница выгибалась все сильнее, пока впервые в жизни Люси не достигла сокрушительной кульминации. Зверек внутри обмяк, а по бедрам потекло густое семя. Разжав ноги, она медленно опустила их на пол.

Люси и Санни стояли, привалившись друг к другу, и тяжело дышали. Не сразу, но они услышали осторожный стук в дверь. Санни поспешно застегнул брюки, придерживая дверь, чтобы стучавший не вошел. Люси принялась одергивать платье, при этом кося глазами в сторону, однако оружие, которое доставило ей столь непередаваемое наслаждение, уже скрылось за черной тканью. Из-за двери слышался тихий голос Тома Хейгена:

– Санни, ты здесь?

Тот облегченно вздохнул и подмигнул Люси.

– Да, Том. Что такое?

– Дон ждет тебя в кабинете, – так же тихо ответил Хейген. – Пошли.

За дверью слышались удаляющиеся шаги. Подождав немного, Санни смачно поцеловал девушку в губы, а затем выскользнул из спальни.

Люси пригладила волосы, расправила платье и подтянула подвязки на чулках. Каждое движение отзывалось ноющей болью, губы распухли и горели. На бедрах остались липкие капельки, но вместо того чтобы пройти в уборную и подмыться, Люси сбежала по ступенькам и вышла в сад, где присоединилась к невесте и другим подружкам.

– Где ты пропадаешь? – капризным тоном поинтересовалась Конни. – У тебя разгоряченный вид. Посиди со мной.

Жених налил девушке вина и догадливо улыбнулся. Люси было все равно. Она жадно припала к бокалу; темно-красный виноградный напиток приятно обволакивал пересохшее горло. Влажные бедра липли друг к другу. По телу пробежала дрожь. Глядя поверх бокала, Люси выискивала в толпе Санни Корлеоне; никто другой ее не интересовал.

– Когда все закончится, я расскажу, что делала, – заговорщицки прошептала она на ухо Конни.

Та засмеялась. Люси целомудренно сложила руки на столе, но глаза ее победоносно блестели, словно ей удалось обокрасть невесту.

* * *

Америго Бонасера проследовал за Хейгеном в угловой кабинет. Дон Корлеоне сидел за огромным рабочим столом, Санни стоял у окна и смотрел в сад. Впервые за день дон не проявил радушия, не обнял гостя и даже руки ему не пожал. Мастер похоронных дел получил приглашение на свадьбу только потому, что их с доном жены – ближайшие подруги. Сам Бонасера пребывал в крайней немилости.

Свое прошение он решил начать исподволь и не в лоб.

– Я надеюсь, вы простите моей дочери, крестнице вашей супруги, что она не пришла на праздник. Она все еще в боль-

нице...

Бонасера красноречиво поглядел в сторону Санни Корлеоне и Тома Хейгена, давая понять, что не хотел бы говорить в их присутствии.

– Мы все знаем, что с ней приключилось, – сурово отрезал дон. – Если я могу хоть чем-то помочь, только скажи. Все-таки моя жена – ее крестная. Я о таком не забываю.

Это был неприкрытый упрек в адрес мастера похоронных дел: тот никогда не называл дона крестным отцом, как того требовал обычай.

Бонасера побледнел еще сильнее, но все же нашел в себе силы спросить:

– Позвольте поговорить с вами наедине?

Дон Корлеоне отрицательно мотнул головой.

– Эти двое – мои ближайшие помощники, которым я готов доверить свою жизнь. Отослать их было бы оскорблением.

Бонасера, прикрыв глаза, вздохнул и заговорил – ровно, как привык утешать своих клиентов.

– Я воспитал дочь в американском духе. Я верю в Америку, я обязан ей своим богатством. Я дал дочери свободу, научив ее не позорить семью. Она встретила молодого человека, не итальянца. Ходила с ним в кино, гуляла допоздна. Однако он так и не изъявил желания познакомиться с нами, с ее родителями. Моя вина: я ни разу не выказал неудовольствия... Два месяца назад он с приятелем взял мою дочь по-

кататься. Они напоили ее виски, а потом попытались обесчестить. Она не далась, и тогда ее избили. Как собаку. Когда я приехал в больницу, то увидел, что все ее лицо в кровоподтеках, нос сломан, а челюсть скреплена проволокой. Она мучилась от боли. Стонала: «Папа, папа, за что они так со мной? За что?» Я смотрел на нее и плакал.

Голос у Бонасеры пресекался, на глазах выступили слезы.

Дон Корлеоне словно бы против воли сочувственно кивнул, и Бонасера продолжил. Было слышно, что он с трудом сдерживает эмоции.

– Почему я плакал? Это ведь моя любимая дочь, свет моей жизни. Она была красавицей. Она доверяла людям – а теперь уже не станет. И никогда больше не будет красивой.

Бонасера затрясся, его лицо вспыхнуло.

– Как добропорядочный американец я обратился в полицию. Парней арестовали и судили. Их вина была полностью доказана, и они сознались. Судья приговорил их к трем годам – условно. Их освободили прямо в зале суда. Я стоял там, как дурак, а эти скоты ухмылялись. Тогда я сказал жене: «Искать справедливости нужно у дона Корлеоне».

Дон сочувственно кивал, выслушивая чужое горе. Однако теперь в его тоне не было и намека на сострадание, а лишь оскорбленная гордость:

– Почему ты сразу не пошел ко мне, а обратился в полицию?

– Что вы от меня хотите? – еле слышно прошептал Бо-

насера. – Я сделаю все, что угодно. Только выполните мою просьбу.

Последние слова прозвучали довольно дерзко.

– И в чем твоя просьба? – холодно спросил дон.

Бонасера вновь бросил взгляд на Санни с Хейгеном и вздохнул. Дон, не вставая с кресла, подался вперед. Мастер похоронных дел помялся, затем приник к самому уху донна, почти коснувшись его губами. Дон Корлеоне слушал бесстрастно и отрешенно, будто священник в исповедальне. Наконец Бонасера закончил шептать и выпрямился. Дон поднял на него суровый взгляд; проситель весь покрылся испариной, но глаз не отвел.

– Я этого не сделаю, – произнес дон. – Ты забываешься.

– Я заплачу, сколько потребуете, – громко и уверенно произнес Бонасера.

Хейген нервно дернул головой. Санни впервые отвлекся от происходящего за окном и, сложив руки на груди, саркастически скривил губы.

Дон Корлеоне поднялся.

– Мы с тобой знаем друг друга много лет, – начал он ледяным тоном, хотя его лицо по-прежнему ничего не выражало, – однако до сих пор ты не обращался ко мне ни за советом, ни за помощью. Не припомню, когда ты в последний раз приглашал меня к себе на чашечку кофе. А ведь моя жена – крестная твоей единственной дочери. Будем честны, ты избегал дружбы со мной, потому что боялся оказаться у ме-

ня в долгу.

– Я не хотел неприятностей, – выдавил из себя Бонасера.

– Помолчи! – прервал его дон. – Ты считал Америку раем. Дела твои шли хорошо, ты преуспевал – и думал, что жизнь прекрасна и ничто не способно причинить тебе вреда. Ты не обзавелся верными друзьями. Зачем? Есть полиция, есть суды – они защищали тебя и твоих родных. И никакой дон Корлеоне был тебе не нужен. Ну и хорошо. Да, ты задел мои чувства, однако не в моих правилах навязывать дружбу тем, кто ее не ценит. Тем, кто меня не уважает.

Дон ненадолго замолк и одарил мастера похоронных дел вежливо-ироничной улыбкой.

– И вот теперь ты приходишь и просишь у меня справедливости... Но ты просишь без уважения. Не предлагаешь мне дружбу. Ты приходишь ко мне домой в день свадьбы моей дочери и требуешь крови. А потом говоришь, – голос дона стал язвительным, – «я заплачу, сколько потребуете». Нет, не подумай, я не обиделся; вот только скажи, чем я заслужил подобное неуважение?

– Америка была добра ко мне! – выкрикнул Бонасера со смесью страха и негодования. – Я хотел быть послушным гражданином. Хотел, чтобы моя дочь выросла американкой.

Дон одобрительно захлопал.

– Отлично сказано, браво! Тогда тебе не на что жаловаться. Судья все решил. Америка все решила. Пойдешь навещать дочь в больнице – принеси ей цветы и конфеты. Это

ее утешит. Все образуется. Ничего страшного не произошло. Парни молоды, куражливы, а один из них – сын влиятельного политика. Дорогой мой Америго, ты всегда был честен. Хотя ты и чураться дружбы со мной, должен признать, что на слово Америго Бонасеры я готов положиться, как ни на чье другое. Так что пообещай мне забыть об этом безумии. Это не по-американски. Прости. Отпусти. Ничего не поделять, неприятности случаются.

Речь дона ничем не выдавала его гнева, но была полна злой иронии и презрения. Несчастный мастер похоронных дел весь сгорбился и затрясся, однако нашел в себе силы сказать:

– Я пришел к вам искать справедливости...

– Ты нашел ее в суде, – отрезал дон.

– Нет, – Бонасера упрямо замотал головой. – Суд справедливо обошелся с юнцами, но не со мной.

Дон кивком оценил этот нюанс и спросил:

– Какая же справедливость тебе нужна?

– Око за око.

– Ты требовал большего. Однако твоя дочь жива.

– Тогда пусть хотя бы страдают, как страдает она, – нехотя процедил Бонасера.

Дон молча ожидал продолжения. Собрав остатки смелости, проситель произнес:

– Сколько это будет стоить?

Его слова были воплем отчаяния.

Дон Корлеоне отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Бонасера остался на месте.

После недолгого молчания, будучи человеком широкой души, который не может долго сердиться на непутевого друга, дон Корлеоне снова посмотрел на мастера похоронных дел. Тот был бледнее усопших, которых подготавливал.

– Что мешало тебе попросить меня о помощи? – Дон был мягок и спокоен. – Нет, ты месяцами таскаешься по судам. Тратишь деньги на адвокатов, которые спят и видят, как бы обвести тебя вокруг пальца. Полагаешься на судью, который готов продаться тому, кто больше заплатит, как проститутка. Нужны деньги – ты идешь в банк и платишь грабительские проценты, стоишь с протянутой шляпой, как попрошайка на паперти, пока тебя обдирают до самых трусов...

Он помолчал и продолжил уже более строгим голосом:

– Если б ты пришел ко мне, я поделился бы с тобой всем, что имею. Если б ты попросил меня о справедливости, негодяи, что погубили твою дочь, уже сегодня умылись бы кровавыми слезами. Если б ты вдруг по несчастью нажил врагов, они стали бы моими врагами. – Дон назидательно поднял палец и указал на просителя. – И тогда, поверь, тебя боялись бы.

Бонасера наклонил голову и сдавленно произнес:

– Будьте моим другом. Прошу.

– Хорошо, – произнес дон Корлеоне, кладя руку ему на плечо. – Ты получишь свое правосудие. Когда-нибудь – мо-

жет быть, этот день никогда не настанет – я попрошу тебя об ответной услуге. А до того считай справедливость подарком моей жены, крестной твоей дочери.

Дверь за исполненным благодарности мастером похоронных дел закрылась, и дон Корлеоне обратился к Хейгену:

– Поручи дело Клеменце. Пусть возьмет надежных людей, которых не опьянит жажда крови. Мы не убийцы, что бы там ни вбил себе в голову этот гробовщик.

Он посмотрел на своего старшего сына, который не сводил глаз с гулянки за окном. «Сантино безнадежен, – подумал дон. – Если он не желает учиться, ему никогда не стать доном и не руководить семейным делом». А значит, нужно подыскать кого-то другого, и поскорее. В конце концов, Вито Корлеоне не вечен...

Снаружи послышался радостный рев множества голосов. Санни поплотнее прижался к стеклу, а затем с радостной улыбкой подскочил к двери.

– Это Джонни! Я же говорил, что он прилетит на свадьбу! Хейген тоже выглянул во двор.

– Это и вправду ваш крестник, – сообщил он дону Корлеоне. – Пригласить его сюда?

– Не надо. Пусть гости наслаждаются его обществом. Сам потом зайдет. – Дон улыбнулся Хейгену. – Вот это я понимаю – достойный крестник...

Том ощутил легкий укол ревности.

– Джонни не навещал вас два года, – сухо напомнил он. –

Наверняка опять попал в переплет и ищет помощи.

— К кому же еще ему пойти, как не к своему крестному отцу? — спросил дон Корлеоне.

* * *

Первой Джонни Фонтейна заметила Конни Корлеоне. По забыв приличествующую невесте скромность, она с визгом «Джонни-и-и!» кинулась ему на шею. Тот крепко обнял Конни в ответ, поцеловал в губы и, придерживая ее за талию, повернулся навстречу остальным гостям. Здесь были сплошь старые друзья, с которыми он вместе рос в манхэттенском Вест-Сайде. Конни потащила его знакомиться с мужем, который, как с усмешкой отметил Джонни, несколько расстроился, что перестал быть звездой торжества. Джонни поздоровался, вложив в рукопожатие все свое очарование, и чокнулся с Карло бокалом вина.

— Эй, Джонни, может, споешь? — окликнули знаменитого гостя с помоста, где сидели музыканты.

Знакомый голос принадлежал Нино Валенти. Джонни Фонтейн заскочил на помост и обнял старинного друга. До того как он стал знаменит на всю страну, выступая на радио, они с Нино были неразлучны: вместе пели, вместе гуляли с девочками. Попав в Голливуд, Джонни пару раз созванивался с другом и обещал устроить ему концерт в каком-нибудь модном клубе, но так и не сдержал слово. И все равно,

глядя на веселую, насмешливую, немного пьяную ухмылку, он ощутил прежнюю теплоту.

Нино забренчал на мандолине, Джонни Фонтейн положил руку ему на плечо, объявил «Специально для невесты!» и, притопывая ногой, затянул скабрёзную сицилийскую песенку. Нино аккомпанировал, исполняя недвусмысленные движения бедрами. Невеста залилась краской, гости одобрительно зашумели. К концу песни все топали и хлопали, выкрикивая похабные строчки, завершавшие каждый куплет. Аплодисменты не смолкали, пока Джонни не запел другую песню.

Все страшно им гордились. Ещё бы, земляк стал знаменитым певцом и кинозвездой, крутил романы с самыми желанными женщинами в мире, но при этом не забыл крестного отца и пролетел целых три тысячи миль, чтобы почтить своим присутствием свадьбу его дочери. А ещё он по-прежнему любил друзей, того же Нино Валенти. Многие из собравшихся помнили, как мальчишки частенько пели дуэтом, когда ещё никто не мог представить, что по Джонни Фонтейну будут изнывать пятьдесят миллионов женских сердец.

Подхватив невесту, Джонни затащил ее на помост. Вместе с Нино они опустились на колени по обе стороны от Конни лицом друг к другу, и Нино отрывисто забренчал на мандолине. Это был их старинный номер: шуточный поединок за красавицу, где клинками служили голоса, поочередно выкрикивающие куплеты. Демонстрируя утонченную скром-

ность, Джонни уступил Нино, позволил тому забрать невесту и в одиночку допеть последние победные строчки. Все присутствующие разразились бурными аплодисментами, и троица дружно поклонилась. Гости требовали продолжения.

Только дон Корлеоне, вышедший из кабинета в сад послушать, углядел непорядок. Весело и добродушно, чтобы ни в коем случае никого не обидеть, он крикнул:

– Мой крестник прилетел с другого конца страны, чтобы осчастливить нас, и никто не позаботился подать ему вина?

Тут же перед Джонни Фонтейном возникла дюжина полных бокалов. Он отпил из каждого и поспешил обнять крестного отца. Прижав Вито Корлеоне к себе, что-то прошептал ему на ухо и ушел за ним в дом.

Том Хейген протянул Джонни руку; тот ответил рукопожатием и поинтересовался, как дела, но без обычной приветливости и теплоты. Том немного расстроился, тем не менее быстро взял себя в руки: что поделать, не все одобряли его работу на дона.

– Когда я получил приглашение на свадьбу, – произнес Джонни Фонтейн, – то сразу подумал: «Крестный отец больше не держит на меня зла». Я пять раз звонил вам после развода, но Том всегда говорил, что вы заняты.

Дон Корлеоне разлил по стаканам все тот же «Стрега».

– Всё в прошлом. Что я могу для тебя сделать? Ты ведь не настолько знаменит и богат, что можешь обойтись без моей помощи?

Джонни залпом выпил желтоватый обжигающий ликер и протянул стакан за добавкой.

– Я небогат, крестный, – произнес он, бодрясь. – Дела мои идут под откос. Действительно, не стоило мне бросать жену с детьми ради той потаскухи. Правильно вы на меня разозлились.

Дон пожал плечами.

– Я переживал за тебя. Ты ведь мой крестник.

Джонни стал мерить кабинет шагами.

– Стерва свела меня с ума: главная звезда Голливуда, внешность ангельская... А знаете, что она делает после съемок? Отдается гримеру, если тот хорошо постарался. Или кувыркается с оператором, если тот угадал с ракурсом. И так со всеми подряд. Для нее заняться сексом все равно что дать на чай. Блудливое порождение ада...

– Как семья? – перебил дон Корлеоне.

Джонни вздохнул.

– Они в порядке. При разводе я отписал Джинни и детям больше, чем требовалось по суду. Навещаю их каждую неделю. Иногда кажется, что я схожу с ума – так я тоскую. – Он выпил еще. – А новая жена смеется надо мной. Не понимает моей ревности, называет меня старомодным макаронником, издевается над моими песнями... Перед отъездом я хорошенько ее побил, только лицо не тронул – у нее съемки. Я колотил ее по рукам и ногам, как мы делали в детстве, а она смеялась. – Джонни закурил. – Скажу честно, крестный,

мне и жить-то сейчас не хочется.

– Против этих бед я бессилен... – Дон Корлеоне развел руками и, помолчав, спросил: – А что у тебя с голосом?

Уверенность и самоирония исчезли с лица Джонни Фонтейна. Он весь поник.

– Я больше не могу петь, крестный. Что-то со связками; врачи не поймут – что.

Хейген с доном никогда не видели Джонни в таком отчаянии.

– Две картины с моим участием собрали большую кассу, – продолжал тот, – я прославился. А теперь меня вышвыривают на улицу. Владелец студии решил дать мне расчет. Он всегда меня не выносил.

– И почему же? – мрачно спросил дон Корлеоне.

– Я пел песни для либеральных организаций. Помню, вам это не нравилось. Вот и Джеку Вольцу тоже. Он заклеймил меня коммунистом – правда, остальные не поддержали. А потом я увел девушку, которую он приглядел для себя. Мы всего лишь разок перепихнулись, но девушка стала меня преследовать. Что мне было делать?.. Теперь жена-шлюха указывает мне на дверь, а Джинни не примет меня обратно, пока я не приползу к ней на коленях молить о прощении... И петь я больше не могу. Крестный отец, как мне быть?

Лицо дона Корлеоне приняло холодное и суровое выражение.

– Первым делом начни вести себя как мужчина, – презри-

тельно бросил он и вдруг гневно проорал: – КАК МУЖЧИНА!

Перегнувшись через стол, дон по-отцовски жестко схватил Джонни Фонтейна за волосы.

– Господи, как же так вышло? Ты столько времени провел в моем обществе – и вырос таким женоподобным голливудским *finocchio*⁷, который ноет и просит его пожалеть? «Как мне быть? Боже, что мне делать?!» Ну точно баба!

Дон так артистично передал страдальческие интонации, что Хейген с Джонни от неожиданности засмеялись. Вито Корлеоне был доволен. Все-таки крестник у него молодец. Ведь как повели бы себя после подобной выволочки родные сыновья? Сантино обиделся бы и потом стал делать пакости просто назло. Фредо устыдился бы. Майкл холодно улыбнулся бы и пропал на несколько месяцев. Однако Джонни – ну что за славный малый! – понял, чего от него хочет крестный отец, поэтому воспрянул духом и заулыбался.

– Ты увел женщину у босса – более могущественного человека, чем ты сам, – а теперь жалуешься, что он не хочет с тобой знаться. Глупо? Глупо. Ты бросил жену и детей, чтобы жениться на блуднице, а теперь плачешься, что тебя не принимают назад с распростертыми объятиями. Свою шлюху ты не бьешь по лицу, потому что, видите ли, у нее съемки, и удивляешься, почему она над тобой смеется. Сам натворил дел и теперь пожинаешь плоды!

⁷ Педик (сленг. Ит.).

Дон выдохнул, а затем уже спокойным голосом спросил:
– Ну что, на этот раз готов послушаться моего совета?
Джонни пожал плечами.

– Я не могу опять жениться на Джинни. Не на ее условиях, по крайней мере. Мне нужно играть, нужно ходить с друзьями по кабакам. За мной увиваются красотки – не могу же я им отказывать! Раньше, возвращаясь домой, я чувствовал себя последним подонком. Я не хочу проходить через все это снова.

Редко кому было под силу вывести дона Корлеоне из себя. Крестнику это удалось.

– Я и не уговариваю тебя опять жениться. Поступай как считаешь нужным. Правильно, что ты хочешь общаться с детьми. Мужчина, который отказывается от своих детей, – не мужчина. Однако сперва ты должен помириться с их матерью. Кто запрещает тебе видеть детей каждый день? Кто запрещает тебе быть с ними под одной крышей? Кто запрещает тебе жить так, как ты сам хочешь?

– Не все женщины ведут себя как старые преданные итальянки, крестный, – усмехнулся Джонни Фонтейн. – Джинни на такое точно не пойдет.

– Потому что ты вел себя как тряпка, *finocchio*, – язвительным тоном произнес дон. – Ты дал ей не столько, сколько потребовал суд; ты дал ей больше. А вторую жену не смог поставить на место, потому что, видите ли, побоялся попортить ей лицо. Ты идешь на поводу у женщин, а женщины ни-

чего не смыслят в жизни, хотя, конечно же, будут блаженствовать в раю, тогда как нам, мужчинам, уготован ад. Я наблюдал за тобой все эти годы. – Голос дона стал проникновеннее. – Ты всегда был достойным крестником и относился ко мне с уважением. Но как же твои старые друзья? То ты водишься с одним, а через год уже с другим. Тот итальянский парнишка, который играл смешные роли, – у него случилась черная полоса, и ты перестал с ним общаться, потому что трясешься за свою репутацию... Как же твой старинный приятель, с которым вы вместе сидели за партой и пели дуэтом? Да, я про Нино. Он сильно запил от разочарования, ему приходится крутить баранку грузовика и петь по выходным за пару долларов, однако он не жалуется и ни разу слова о тебе плохого не сказал. Почему бы тебе его не выручить, а? Он хорошо поет.

– Крестный, ему просто не хватает таланта. Да, он хорош, но не для большой сцены, – в который раз принялся объяснять Джонни Фонтейн.

Дон Корлеоне прикрыл глаза.

– А по-моему, крестник, это у тебя не хватает таланта. Подыскать тебе работу? Хочешь тоже водить грузовик, как Нино? – Джонни не ответил, и дон продолжил: – Дружба – это всё. Она значит больше, чем талант и даже власть. Не забывай, друзья – это почти то же, что семья. Если б ты окружил себя стеной друзей, тебе незачем было бы обращаться за помощью ко мне. Скажи теперь, почему ты не можешь петь?

Вы с Нино прекрасно выступили дуэтом в саду.

Хейген с Джонни распознали намек и усмехнулись.

– У меня пропадает голос, – как можно доходчивее сообщил Джонни. – Сплю одну-две песни – и должен восстанавливаться по несколько часов или дней. Ни репетиций, ни повторных дублей я не выдерживаю. Это какая-то болезнь.

– Значит, у тебя проблемы с женщинами и пропадает голос. Хорошо, теперь расскажи, что за беда с тем голливудским *pezzonovante*⁸ – твоим боссом, который не дает тебе работать. – Дон наконец перешел к серьезным делам.

– Он больше чем *pezzonovante*, – поправил Джонни. – Он хозяин студии и советник президента по вопросам военной кинопропаганды. Месяц назад он приобрел права на главный бестселлер года. Главный герой – вылитый я. Мне и играть ничего не нужно, достаточно быть собой. И петь не нужно. Я, может быть, получил бы «Оскар». Все знают, что это идеальная роль для меня и я снова стану звездой. Однако Джек Вольц, скотина, дал мне от ворот поворот. Я даже предложил сыграть без гонорара, задаром, но ответ все равно «нет». Если только я приду и у всех на глазах поцелую его в зад, то он, может, подумает...

Дон Корлеоне жестом прервал эмоциональные излияния и похлопал крестника по плечу. Ничего, разумные люди всегда найдут способ договориться.

– Понимаю, ты подавлен: мол, никому до тебя нет дела.

⁸ Шишка, большой человек (сленг. *Ит.*).

Похудел... Много пьешь, наверное? Плохо спишь, принимаешь таблетки? – Дон с неодобрением покачал головой. – Значит, так, слушай мой приказ. Следующий месяц ты проведешь у меня дома. Будешь хорошо питаться, спать и набираться сил. Твое общество мне приятно, так что будешь меня везде сопровождать, а заодно, может, и научишься чему-нибудь, что пригодится в большом Голливуде. Никаких песен, никаких попоек, никаких женщин – крестный отец запрещает. А через месяц вернешься в Голливуд к своему воротиле, этому *pezzonovante*, и он даст тебе твою роль. Идет?

Джонни Фонтейн не верил, что у дона столько власти. Однако крестный отец никогда не обещал того, чего был бы не в состоянии сделать.

– Вольц запанибрата с Джоном Эдгаром Гувером⁹, – сообщил Джонни. – На него даже голос повышать нельзя.

– А еще он делец, – спокойно произнес дон. – Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

– Ничего не выйдет. Все контракты подписаны, съемки начнутся через неделю. Слишком поздно.

– Возвращайся к гостям, – сказал дон Корлеоне, подталкивая крестника к выходу. – Тебя ждут друзья. А я обо всем позабочусь.

Хейген сел за стол и сделал пометки в блокноте. Дон, тя-

⁹ Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – один из влиятельнейших государственных деятелей США. На протяжении почти полувека, с 1924 по 1972 г., занимал пост директора Федерального бюро расследований (это название структура получила в 1935 г. Именно при Гувере).

жело вздохнув, спросил:

– Это всё?

– Остался Солоццо. На этой неделе надо с ним встретиться, дальше откладывать нельзя. – Хейген взял в руки календарь.

– Свадьбу мы сыграли, так что когда угодно, – дон пожал плечами.

Из этих слов Хейген понял две вещи: во-первых, Вирджилио Солоццо ожидает отказ. Во-вторых, поскольку дон не захотел встречаться с ним до свадьбы дочери, этот отказ повлечет за собой неприятности.

– Мне сказать Клеменце, – осторожно произнес Том, – чтобы прислал людей пожить сюда на время?

– Зачем? – Дон недовольно скривился. – Я не дал ответа раньше, чтобы ничто, никакая мелочь не омрачала день свадьбы. Кроме того, я хотел узнать, о чем Солоццо хочет со мной переговорить. Теперь знаю. Его предложение – это полная *infamita*¹⁰.

– Значит, вы откажетесь? – спросил Хейген и, получив в ответ ожидаемый кивок дона, продолжил: – Полагаю, этот вопрос необходимо предварительно обсудить со всеми – со всей Семьей.

– Полагаешь, значит? – Дон улыбнулся. – Хорошо, обсудим. Когда вернешься из Калифорнии. Лети туда завтра и уладь проблему Джонни. Встреться с этим киношным

¹⁰ Бесчестье (сленг. Ит.).

pezzonovante. А Солоццо передай, что я встречу с ним после твоего возвращения. Еще что-нибудь?

– Звонили из больницы. Консильери Аббандандо при смерти, до завтра не доживет. Родственников пригласили дожидаться у палаты.

Том исполнял обязанности консильери уже год – с тех пор, как из-за рака Дженко Аббандандо оказался прикован к больничной койке. Теперь Хейген ждал, что дон Корлеоне сделает его назначение постоянным, хотя препятствий тому было много. Столь высокий пост традиционно доверяли лишь выходцам из итальянских семей, так что даже временное исполнение обязанностей посторонним вызывало у многих недовольство. Кроме того, Тому было всего тридцать пять – якобы слишком мало, чтобы накопить опыт и проницательность, необходимые хорошему консильери.

Дон, однако, ничего на этот счет не сказал, а только спросил:

– Когда моя дочь с женихом покинут гостей?

Хейген бросил взгляд на часы.

– Через несколько минут подадут торт – значит, еще полчаса. – Он вспомнил кое-что еще. – Какое дело мы поручим вашему зятю? Что-то важное, в кругу Семьи?

– Ни в коем случае! – с внезапной злобой ответил дон и ударил ладонью по столу. – Найди ему место, где он сможет хорошо зарабатывать, но к делам Семьи и близко не подпускать. Обязательно передай это остальным: Санни, Фредо,

Клеменце. — Дон помолчал. — Иди и сообщи моим сыновьям, всем троим, что они едут со мной в больницу проститься с Дженко. Я хочу, чтобы они воздали ему последние почести. Пусть Фредди возьмет большую машину. И предложи Джонни присоединиться; скажи, что это меня обяжет. — Он увидел в глазах Хейгена вопрос. — Так как тебе нужно срочно лететь в Калифорнию, ты повидаться с Дженко не успеваешь. Однако не уезжай, пока я не вернусь и не переговорю с тобой. Понял?

— Понял. К какому времени Фреду подготовить машину?

— Когда гости разойдутся, — сказал дон Корлеоне. — Дженко подождет.

— Звонил сенатор, приносил извинения, что не может приехать лично, однако сказал, что вы поймете. Видимо, имел в виду тех фэбээровцев, что записывали номера автомобилей. Впрочем, он прислал подарок с курьером.

Не считая нужным говорить, что это он сам предупредил сенатора, дон просто кивнул.

— И что подарок, хорош?

Хейген изобразил уважительное одобрение: на его германо-ирландском лице типично итальянское выражение смотрелось странно.

— Старинное серебро, очень дорогое. Молодые смогут выручить за него не меньше тысячи. Сенатор, видно, долго выбирал именно то, что нужно. Для таких людей суть подарка куда важнее его стоимости.

Дон Корлеоне слушал, не скрывая удовольствия. Как и Лука Брази, сенатор служил одним из столпов, на которых держалась власть дона, и подарком он вновь подтвердил свое уважение и верность.

* * *

Кей Адамс узнала Джонни Фонтейна, едва тот появился в саду.

– Ты не говорил, что Джонни Фонтейн – друг вашей семьи, – ошарашенно произнесла она. – Теперь я точно выйду за тебя.

– Хочешь, познакомлю? – спросил Майкл.

– Не сейчас. Я вздыхала по нему три года. Приезжала в Нью-Йорк каждый раз, когда он выступал в «Кэпитоле»¹¹, и подпевала до хрипоты. Он был великолепен.

– Хорошо, после познакомитесь.

Когда Джонни допел и скрылся в доме с доном Корлеоне, Кей шутливо заметила:

– Только не говори, что такая знаменитость, как Джонни Фонтейн, обращается за помощью к твоему отцу!

– Джонни – его крестник. И если б не мой отец, он, вероятно, не стал бы таким знаменитым.

Кей Адамс восхищенно засмеялась:

¹¹ «Кэпитол» – кинотеатр и концертный зал, расположенный на Бродвее.

– Похоже на еще одну занимательную историю...

– Боюсь, я не могу ее рассказать, – Майкл покачал головой.

– Ну пожалуйста!

И он рассказал – без шуток, без приукрашиваний и без лишних подробностей. Пояснил только, что восемь лет назад отец вел себя куда резче, к тому же заступиться за крестника было для него делом чести.

Сама история была короткой. Восемь лет назад Джонни Фонтейн начал выступать с популярным танцевальным ансамблем, его заметили, и он стал главной звездой на радио. К несчастью, руководитель ансамбля, знаменитый импресарио по имени Лес Хэлли подписал с Джонни личный контракт на пять лет – обычная практика в шоу-бизнесе. Это означало, что Лес Хэлли может полностью распоряжаться талантом Джонни и делать на нем деньги.

Дон Корлеоне взялся решить проблему сам. Он предложил Лесу Хэлли двадцать тысяч долларов отступных. Тот предложил делить выручку с Джонни пополам. Дон Корлеоне встретил контрпредложение с улыбкой и снизил сумму до десяти тысяч. Импресарио, очевидно, никогда не имевший дел ни с кем за пределами своей любимой эстрады, не понял, к чему все идет, и отказался.

На следующий день дон Корлеоне пришел к нему в сопровождении двух ближайших товарищей: консильери Дженко Аббандандо и Луки Брази. Других свидетелей не было. Дон

убедил Леса Хэлли подписать бумагу, по которой импресарио получает чек на десять тысяч долларов и освобождает Джонни Фонтейна от всех контрактных обязательств. В качестве основного довода дон приставил пистолет ко лбу импресарио и со всей серьезностью уверил, что через минуту расписку украсит либо его подпись, либо его мозги. Лес Хэлли подписал. Дон Корлеоне убрал пистолет и вручил импресарио акцептованный чек.

Что было дальше, известно всем. Джонни Фонтейн стал знаменитейшим голосом страны. Киномюзиклы с его участием принесли студии баснословные барыши. Прибыль с пластинок исчислялась миллионами долларов. А потом Джонни оставил свою первую любовь с двумя детьми и женился на главной кинодиве Голливуда. Которая, как вскоре выяснилось, была потаскухой. Джонни начал пить, играть, гоняться за каждой юбкой. Затем потерял голос, а пластинки перестали продаваться. Студия отказалась продлевать с ним контракт. И это привело его обратно к крестному.

– Ты уверен, что просто не ревнуешь отца? – спросила Кей задумчиво. – По твоим рассказам, это широкой души человек, всем помогает... Пусть и не вполне законными методами.

Она лукаво усмехнулась, а Майкл вздохнул.

– Да, со стороны может показаться и так, однако вот что я тебе скажу. Слышала про исследователей, открывших Северный полюс? Как они оставляли провиант, чтобы при слу-

чае воспользоваться им на обратном пути? То же и с услугами, которые оказывает мой отец. Наступит день, и он посетит каждого, кому помог когда-то, с ответной просьбой. И не дай бог ему откажут.

* * *

Торт вынесли, когда уже начало темнеть. Гости высказали положенный восторг и принялись есть. Это был еще один подарок от Нацорине; пекарь украсил свое творение кремовыми ракушками – настолько аппетитными и вкусными, что невеста жадно объела их с оставшихся на подносе кусочков, после чего вместе с женихом покинула пиршество. Дон вежливо выпроводил гостей, заметив мимоходом, что черного фэбээровского седана перед домом уже нет.

Наконец перед особняком осталась только одна машина – вытянутый черный «Кадиллак» с Фредди за рулем. Дон ловко и уверенно, невзирая на возраст и комплекцию, сел на переднее сиденье. Санни, Майкл и Джонни Фонтейн расположились сзади.

– Твоя подружка сможет сама добраться до города? – спросил дон у Майкла.

– Том обещал все устроить.

Дон Корлеоне удовлетворенно кивнул. Хейген предусмотрителен, как всегда.

Закон об экономии бензина еще не отменили, так что про-

бок на трассе до Манхэттена не было. Меньше чем за час «Кадиллак» доехал до больницы Французского благотворительного общества. По дороге дон Корлеоне интересовался у младшего сына, хорошо ли идет учеба; Майкл коротко отвечал. Потом Санни обратился к отцу:

– Джонни говорит, ты пообещал решить его голливудские проблемы. Я могу помочь?

– Том сегодня летит туда, – коротко ответил дон. – Дело простое, сам справится.

Санни засмеялся.

– Джонни думает иначе, поэтому я и решил предложить свою помощь.

Дон Корлеоне обернулся.

– Ты во мне сомневаешься? Почему? – поинтересовался он у Джонни Фонтейна. – Разве крестный отец когда-нибудь не выполнял обещанного? Хоть раз выставлял себя на посмешище?

Джонни поспешил извиниться:

– Понимаете, крестный, этот человек – настоящий *pezzonovante*, крупная шишка. Его ничем не заинтересовать, даже деньгами. У него серьезные связи. А меня он ненавидит. Просто не представляю, как вы собираетесь на него надавить.

– Я сказал, что все будет; значит, все будет, – добродушно произнес дон и ткнул локтем Майкла. – Мы ведь не подведем крестника, да, сын?

Майкл, ни на секунду не сомневавшийся в отце, мотнул головой.

Перед входом в больницу дон Корлеоне придержал его, пропуская остальных вперед.

– Приходи ко мне, когда окончишь колледж, поговорим. У меня есть планы, которые тебя заинтересуют.

Майкл не ответил. Дон Корлеоне раздраженно хмыкнул.

– Знаю, о чем ты думаешь. Не волнуйся, я не попрошу тебя ни о чем, чего бы ты не одобрил. У меня на тебя особенные виды. Ты – мужчина, так что живи, как считаешь нужным. Но как получишь диплом, приходи ко мне, и поговорим, как отец с сыном.

* * *

На фоне выложенного белым кафелем больничного коридора родня Дженко Аббандандо – жена и три дочери, все в черном, – напоминали стайку ворон. Завидев выходящего из лифта дона Корлеоне, они вспорхнули и подлетели к нему в поисках защиты и утешения. Дочки были полненькими и невзрачными, в мать, которой траур, однако, придал царственности. Госпожа Аббандандо поцеловала дона в щеку и, всхлипывая, запричитала:

– Вы просто святой! Прийти сюда в день свадьбы дочери!..

Дон Корлеоне оборвал ненужные благодарности:

– Как я могу не отдать дань уважения другу, который два-

дцать лет был моей правой рукой?

Он сразу понял: женщина не осознаёт, что уже без пяти минут вдова и что к утру ее мужа не станет. Дженко Аббандандо провел в больнице почти год, и жена привыкла считать смертельную болезнь частью их жизни. Сегодня было всего лишь очередное обострение.

– Муж спрашивал вас, зайдите к нему, – продолжала всхлипывать она. – Бедный, он хотел прийти на свадьбу, засвидетельствовать свое почтение, но врач не позволил. Тогда он сказал, что вы придете к нему сами. Я не поверила, ведь такой день... Ах, всё же мужчины дороже ценят дружбу, чем мы, женщины! Зайдите, он будет рад.

Из отдельной палаты, в которой умирал от рака Дженко Аббандандо, вышли медсестра и врач – молодой человек с серьезным лицом и начальственными манерами, точнее, манерами человека, который всю жизнь купался в богатстве.

– Доктор Кеннеди, – робко спросила одна из дочерей, – можем ли мы навестить отца?

Врач с раздражением оглядел толпу посетителей. Разве они не понимают, что человек при смерти и мучается? Нет бы дать ему спокойно отойти...

– Только ближайшие родственники, – с исключительным достоинством произнес он.

К его удивлению, жена с дочерьми смотрели на невысокого, импозантного мужчину в неуклюже сидящем смокинге, словно ждали его разрешения.

– Уважаемый доктор, – произнес мужчина со слегка уловимым итальянским акцентом, – он правда умирает?

– Правда, – ответил доктор Кеннеди.

– Тогда ваши услуги больше не требуются, – сказал дон Корлеоне. – Мы примем все хлопоты на себя. Утешим, опустим веки, похороним и будем оплакивать, а затем присмотрим за вдовой и сиротами.

Подобная прямота заставила госпожу Аббандандо наконец осознать, что происходит, и она зарыдала в голос.

Доктор Кеннеди дернул плечами. Деревенщины, что с них взять?.. В то же время слова мужчины были хоть и грубыми, но справедливыми. Он и правда больше ничего не может сделать.

– Подождите только, пока сестра завершит необходимые приготовления, – произнес доктор, не теряя достоинства, – а потом входите.

И, хлопая полами халата, удалился.

Медсестра вернулась в палату и какое-то время пробыла там. Наконец она вышла и остановилась, придерживая дверь.

– Он бредит от боли и горячки, – тихо сказала девушка. – Постарайтесь его не тревожить. Всем, кроме супруги, можно побыть с ним лишь несколько минут.

Посетители вошли. Медсестра узнала Джонни Фонтейна, и глаза у нее расширились. Тот приветливо улыбнулся, и она взглядом показала, что готова на все. Джонни запомнил ее лицо на будущее, а затем последовал за остальными в палату

к умирающему.

Дженко Аббандандо долго сражался со смертью, но теперь, побежденный и обессиленный, напоминал обтянутый кожей скелет. Когда-то роскошная черная шевелюра свисала неопрятными сальными клоками.

– Дженко, дружище! – жизнерадостно приветствовал его дон Корлеоне. – Я привел к тебе своих сыновей. И погляди, сам Джонни прилетел к нам из Голливуда.

В покрасневших глазах умирающего читалась благодарность. Молодые люди по очереди пожали его костлявую руку своими теплыми ладонями. Жена и дочери, выстроившись по другую сторону койки, поцеловали Дженко в щеку и взяли за вторую руку.

Дон потрепал старого друга по плечу.

– Поправляйся скорее, и мы навестим нашу старую деревеньку. Сыграем в *bocce*¹² перед винной лавкой, как наши отцы и деды.

Покачав головой, умирающий жестом попросил молодежь и родню отойти, а свободной рукой вцепился в дона. Тот сел на стул рядом с койкой и наклонил голову. Дженко Аббандандо бормотал что-то про их общее детство и давнюю дружбу, а потом, сощутив угольно-черные глаза, понизил голос до шепота. Дон наклонился ближе, прислушиваясь, и вдруг

¹² Бочче – итальянская народная игра с мячом, родственница французского петанка. Игроки по отдельности или командами метают шары на земляном или асфальтированном корте, стараясь сделать так, чтобы их шар оказался как можно ближе к целевому шару.

затряс головой. Остальные – небывалое дело – увидели на его лице слезы. Нечеловеческим усилием, преодолевая боль, Аббандандо приподнялся и, слепо глядя в пустоту, ткнул тощим пальцем в дона.

– Крестный отец! – Дрожащий голос стал громче. – Крестный отец, прошу, спаси меня от смерти! Плоть моя тает, а черви жрут мой мозг. Крестный отец, лишь в твоей власти исцелить меня и высушить слезы моей бедной жены. В Корлеоне мы еще детьми играли с тобой; неужели ты позволишь мне умереть и сойти в бездну ада за грехи?

Вито Корлеоне молчал.

– Сегодня день свадьбы твоей дочери, ты не можешь мне отказать!

– Дружище, – произнес дон спокойно, но с напором, увещевая бредящего богохульника, – нет у меня такой власти, иначе, поверь, я был бы милосерднее Бога. Но не бойся смерти и не страшись ада. Каждую ночь и утро я стану заказывать службу за упокой твоей души. Твои жена и дети будут молиться за тебя. Посмеет ли Бог вынести тебе наказание, когда столько людей просят его о снисхождении?

Тощее лицо приняло мерзковато-ехидное выражение.

– Стало быть, все уже решено?

Ответ дона был холоден и строг:

– Уймись. Ты оскорбляешь Бога.

Аббандандо упал на подушку, безумная искра надежды в его глазах погасла. Вернулась медсестра и принялась дело-

вито выпроваживать посетителей. Дон было поднялся, однако Аббандандо удержал его.

— Крестный отец, останься со мной и помоги мне предстать перед Создателем. Быть может, увидев тебя рядом со мной, Он убоится и оставит меня в покое... Или, может, ты воспользуешься связями, замолвишь за меня словечко? Вы как-никак братья по крови. — Умиравший подмигнул почти весело, как бы поддразнивая дону, и вдруг, испугавшись, что тот обидится, еще крепче вцепился ему в руку. — Посиди со мной, поддержи за руку. Мы перехитрим этого прохиндея, как не раз поступали с другими... Крестный отец, не бросай меня.

Дон жестом велел всем выйти и, оставшись наедине с умирающим, взял иссохшую ладонь Дженко Аббандандо в свои. Так, молча, он поддерживал друга в ожидании смерти, словно и правда мог вырвать его из когтей этого неумолимого и страшнейшего врага человеческого.

* * *

Свадьба Конни Корлеоне подошла к счастливому завершению. Новоиспеченный супруг исполнил свой долг умело и неоднократно; его подкрепляли мысли о сумочке с подарками, в которой лежало двадцать с лишним тысяч долларов. Без затрешины и фингала, впрочем, не обошлось: с невинностью Конни рассталась куда охотнее, чем с деньгами.

Люси Манчини сидела дома и ждала звонка от Санни Корлеоне, уверенная, что он захочет встретиться снова. Не вытерпев, она позвонила сама, но, услышав женский голос, тут же бросила трубку. Ей было невдомек, что их получасовое отсутствие не прошло незамеченным и что уже поползли слухи о новом подвиге ненасытного Сантино, который на этот раз «оприходовал» подружку невесты на свадьбе собственной сестры.

Америго Бонасере приснился кошмар. К нему в похоронное бюро приехал дон Корлеоне в фуражке, рабочем комбинезоне и перчатках и прямо перед входом выгрузил из фургона изрешеченные пулями трупы. «Закопай их побыстрее, Америго! – крикнул он. – И помни, никому ни слова!» Бонасера стонал так громко и протяжно, что жене пришлось его растолкать.

– Тоже мне, мужчина... – проворчала она. – Всего лишь сходил на свадьбу, а теперь мучаешься кошмарами.

Кей Адамс на большом, шикарном автомобиле отвезли в нью-йоркский отель, где она остановилась. За рулем сидел Поли Гатто, Кей – на пассажирском сиденье рядом, а сзади развалился Клеменца. Спутники вызвали у девушки неподдельный интерес. Они говорили, словно бруклинцы из кино, и вели себя с преувеличенной учтивостью. Всю дорогу она с ними болтала; ее поразило, с какой любовью и уважением они отзываются о Майкле. Тот убеждал ее, что в отцовском мире он совершенный чужак, Клеменца же утробным,

сипловатым голосом уверял, что «старик» считает младшего лучшим из сыновей и что наверняка завещает семейный бизнес ему.

– И что же это за бизнес? – со всей возможной наивностью спросила Кей.

Поли Гатто покосился на нее, не отвлекаясь от дороги, а Клеменца удивленно произнес:

– Майкл разве не сказал? Мистер Корлеоне – крупнейший импортер итальянского оливкового масла в Штаты. Война закончилась, и теперь дела пойдут в гору. Смышленный паренек вроде Майкла ему очень пригодится.

По приезде в гостиницу Клеменца вызвался проводить Кей до портье. На ее возражения он просто сказал:

– Босс велел проследить, что вы доберетесь в целости и сохранности. Я лишь выполняю приказ.

Кей забрала ключ и вызвала лифт. Клеменца дождался, пока она войдет внутрь. Кей помахала ему и еще раз удивилась, с каким искренним радушием он улыбается в ответ. Однако когда двери закрылись, Клеменца вернулся к портье.

– На кого зарегистрирован номер? – спросил он.

Мужчина за стойкой смотрел на Клеменцу с подозрением. Тот положил на стойку скомканную зеленую бумажку, портье забрал ее и немедленно откликнулся:

– Мистер и миссис Майкл Корлеоне.

Клеменца вернулся в машину.

– Приятная дама, – произнес Поли Гатто.

Клеменца хмыкнул.

– Майкл ее здесь решил оприходовать.

«Если, конечно, – подумал он, – они и вправду не успели втихаря пожениться».

– Забери меня завтра с утра, – сказал Клеменца. – У Хейгена для нас какое-то срочное дело.

* * *

Поздним воскресным вечером Том Хейген поцеловал на прощание жену и поехал в аэропорт. Благодаря удостоверению приоритетного пассажира (от щедрот офицера из Пентагона) достать билет на самолет до Лос-Анджелеса не составило труда.

День был полон хлопот и приятных новостей. Дженко Аббандандо умер в три часа утра, и дон Корлеоне, вернувшись из больницы, сообщил Хейгену, что тот теперь официально новый консьюльери Семьи. А значит, ему светит стать очень богатым человеком. И очень влиятельным.

Решение дона шло наперекор давней традиции. Консьюльери должен быть чистокровным сицилийцем, и даже то, что Хейген, по сути, вырос в семье дона, не отменяло этого факта. Считалось, что лишь сицилийцу, у которого омерта – закон молчания – в крови, можно доверить такую важную должность. Между главой Семьи – доном Корлеоне, принимавшим решения, – и теми, кто исполнял его волю, лежали

три прослойки. Таким образом, причастность вышестоящих к любым делам была недоказуема. Если только консильери не окажется предателем.

Утром в воскресенье дон Корлеоне подготовил подробные инструкции, как нужно поступить с парнями, что искалечили дочь Америкго Бонасеры. Однако изложил он эти инструкции лично Тому Хейгену. Позднее Хейген – так же лично, без посторонних – передал приказ Клеменце. Тот, в свою очередь, поручил исполнение дела Поли Гатто. Тому предстояло найти людей, которые выполнят грязную работу. Ни сам Поли, ни его подчиненные не будут знать, кто отдал приказ и зачем. Чтобы полиция вышла на дону, предать должны все участники цепочки. Хотя такого прежде никогда не случилось, вероятность есть всегда. Но и на этот случай было надежное средство: достаточно устранить всего одно звено.

Также консильери выполнял роль советника. Он был правой рукой дона, его второй головой. А еще – ближайшим другом и соратником. Во время важных поездок он сидел за рулем, на совещаниях приносил дону напитки, кофе с бутербродами и сигары. Ему полагалось знать все – или почти все, – что знал дон; у него были все рычаги власти. Консильери был единственным, кто мог погубить дону, но на памяти могущественных сицилийских семей, укоренившихся на американской почве, такого не случилось. Это было бы глупо и недальновидно. Всякий консильери знал, что верность принесет ему богатство, власть и почет, а случись что, его

жену и детей сберегут, о них будут заботиться, как если бы он был жив или на свободе. И все это – только за верность.

В некоторых делах консильери надлежало действовать от лица дона более явно, но все равно ничем не выдавая своего босса. Как раз по такому делу Хейген направлялся в Калифорнию. Он понимал, что от исхода задания зависит его дальнейшая карьера. Получит ли Джонни Фонтейн возделенную роль или нет, значения не имело: с точки зрения Семьи, гораздо важнее была встреча с Вирджилио Солоццо, которую Хейген назначил на следующую пятницу. Однако, как хороший консильери, он знал, что лично для дона оба дела имеют равный вес, а значит, должны быть выполнены с одинаковой ответственностью.

Самолет оторвался от земли, встряхнув и без того расшатанные нервы Тома Хейгена; чтобы успокоиться, он заказал у бортпроводницы martini. Дон с Джонни вкратце обрисовали ему, что собой представляет продюсер Джек Вольц. Из сказанного Хейген понял, что уговорить Вольца не выйдет. Впрочем, он нисколько не сомневался, что дон выполнит свое обещание. Хейгену предстояло выступить в качестве переговорщика и посредника.

Откинувшись на спинку кресла, Том освежил в памяти все, что сегодня узнал. Итак, Джек Вольц входит в тройку самых влиятельных кинопродюсеров Голливуда, имеет собственную студию и контракты с десятками звезд. Он – член кинематографической секции Консультативного совета по

военной информации при президенте Соединенных Штатов. Он ужинал в Белом доме, принимал в своем особняке Джона Эдгара Гувера. Впрочем, это лишь звучало внушительно; на деле отношения были сугубо официальные. Никаким личным политическим весом Вольц не обладал – в основном потому, что был крайним реакционером, а также потому, что страдал манией величия и вел себя как самодур, не замечая, что тем самым наживает себе тьму врагов.

Да уж, взять Вольца, что называется, голыми руками не выйдет. Том открыл портфель и попробовал работать с бумагами, но понял, что слишком устал. Он заказал еще один martini и стал думать о жизни. Жалеть ему было не о чем; более того, он считал, что ему крупно повезло. Дорога, которую Том выбрал для себя десять лет назад, оказалась правильной. Он был успешен, счастлив (насколько может быть счастливым взрослый человек) и не пресыщен жизнью.

Тому Хейгену было тридцать пять. Высокий, с аккуратной стрижкой, стройный и внешне самый заурядный. Юрист по профессии, правовой стороной семейного бизнеса Корлеоне он не занимался, хотя после сдачи квалификационных экзаменов три года проработал в юридической конторе.

В одиннадцать лет Том сдружился со своим ровесником Санни Корлеоне. Очень скоро ослепла и умерла мать, а отец, и без того любитель заложить за воротник, спился окончательно. Трудолюбивый плотник, он ни разу в жизни не совершил плохого поступка, однако пьянство разрушило его

семью и наконец dokonало его самого. Том Хейген остался сиротой, бродил по улицам и спал в подъездах. Младшую сестру поместили в приют, но одиннадцатилетних мальчишек, сбежавших из-под опеки, социальные службы в двадцатые годы не разыскивали. А еще у него тоже развилась глазная инфекция. Соседи избегали Тома, как прокаженного, и шептались, что он подхватил или унаследовал болезнь от матери. Санни Корлеоне, добросердечный и с детства привыкший добиваться своего, привел друга домой и потребовал, чтобы его оставили. Тома Хейгена угостили тарелкой горячих спагетти с маслянистым, насыщенным томатным соусом – этот вкус он запомнил навсегда, – и уложили спать на металлической раскладушке.

Без лишних обсуждений дон Корлеоне позволил мальчику остаться у него дома, а потом лично отвел Тома к врачу, чтобы тот вылечил ему глаза. После школы его отправили в колледж, а затем – на юридический факультет. Все это время дон вел себя не как отец, а скорее как опекун. Он не выказывал привязанности, однако, как ни странно, вел себя с Томом обходительнее, чем с родными сыновьями, не навязывая ему родительской воли. Поступать на юридический Том решил сам. Как-то он услышал слова дона: «Юрист с одним дипломатом может украсть больше, чем тысяча налетчиков с автоматами». К раздражению отца, Санни и Фредди сразу после школы решили заняться семейным делом. Получать высшее образование пошел только Майкл – и то на следую-

щий день после бомбардировки Пёрл-Харбора записался в морскую пехоту.

Получив лицензию, Хейген женился и завел детей. Его избранницей стала молодая итальянка из Нью-Джерси, тоже с высшим образованием – редкость по тем временам. После свадьбы, которая, конечно же, прошла в доме семьи Корлеоне, дон предложил Хейгену поддержку в любом начинании: подыскать клиентов, обставить офис, помочь ему заняться недвижимостью.

Том благодарно кивнул и сказал: «Дон Корлеоне, я хочу работать на вас».

Дон не скрывал приятного удивления. «Ты знаешь, кто я такой?» – «Да».

Тогда Хейген, правда, еще не представлял размахов влияния дона. И в течение последующих десяти лет, до того как заболел Дженко Аббандандо и Тома сделали исполняющим обязанности консьюеры, – тоже. Однако он посмотрел в глаза дону и сказал: «Я хочу работать на вас, как ваши сыновья», – то есть с абсолютной преданностью и беспрекословно принимая его божественную волю. О проницательности дона уже тогда ходили легенды, и впервые с того момента, как Том появился у него в доме, он продемонстрировал юноше знак отцовской любви – быстро, но крепко обнял Хейгена. И с тех пор обращался с ним как с родным, хотя время от времени напоминал: «Никогда не забывай своих родителей, Том», – в равной степени ему и себе.

Хейген не мог бы забыть их при всем желании. Не мог забыть мать, неряшливую идиотку, которая так мучилась анемией, что ей не хватало сил даже изображать материнскую теплоту, не то что испытывать ее. Не мог забыть и отца, которого искренне ненавидел. Слепота матери перед кончиной ужасно напугала Тома, а когда роковая болезнь поразила и его, он был уверен, что тоже ослепнет. После смерти отца сознание мальчика не выдержало. Он бесцельно слонялся по улицам, как умирающий пес, пока в один судьбоносный день Санни не нашел его спящим в каком-то подъезде и не привел к себе. Все, что произошло после, было сродни чуду. Однако еще много лет Хейгену снились кошмары: будто бы он вырос слепым и везде ходил с тросточкой, а за ним вереницей постукивали белыми палочками его слепые дети, и они вместе попрошайничали у прохожих. Иногда он просыпался, а перед глазами продолжало стоять лицо дона Корлеоне – такое, каким Том его запомнил в тот миг, когда почувствовал, что все плохое позади.

Еще Вито Корлеоне настоял, чтобы, помимо выполнения дел Семьи, Том три года посвятил общей юридической практике. Этот опыт впоследствии оказался бесценным, а также развеял всякие сомнения в том, что представляла собой работа на дона Корлеоне. Затем еще два года Том стажировался в лучшей конторе по уголовным делам, где у дона были связи. Вскоре стало понятно, что к этой отрасли права у него талант, и когда он наконец смог полностью посвятить себя

делам Семьи, дон Корлеоне за все шесть лет не нашел ни единого повода придраться к нему.

Когда Хейген стал временным консилиери, другие сицилийские Семьи стали презрительно называть семью Корлеоне «ирландской шайкой». Это забавляло. Вместе с тем, однако, Том понял, что занять место дона во главе Семьи ему не суждено. Впрочем, его все устраивало. К лидерству он никогда не стремился – ведь подобные амбиции были бы «неуважением» к благодетелю и его кровным родственникам.

* * *

Самолет приземлился в Лос-Анджелесе еще затемно. Хейген принял душ в отеле, побрился, посмотрел, как над городом встает солнце. Потом заказал завтрак и газеты в номер и позволил себе расслабиться. Встреча с Джеком Вольцем была назначена на десять. Никаких трудностей с этим на удивление не возникло.

Накануне Хейген созвонился с самым влиятельным человеком в киношных профсоюзах – Билли Гоффом – и по совету дона попросил его договориться о встрече на следующий день, намекнув продюсеру, что если исход разговора Хейгена не устроит, то на киностудии может начаться стачка. Через час Гофф перезвонил и сообщил, что Хейгена будут ждать в десять. Вольц принял предупреждение о стачке к сведению, но особого беспокойства не выразил.

– Если дойдет до дела, я должен буду связаться с доном, – добавил Гофф.

– Если дойдет до дела, он свяжется с вами сам, – сообщил Хейген, зная, что эти слова никого ни к чему не обязывают.

Готовность Гоффа услужить не удивляла. Технически влияние Семьи ограничивалось Нью-Йорком, однако дон Корлеоне сумел возвыситься именно на помощи профсоюзам, и многие лидеры пребывали у него в дружеском долгу.

Тем не менее встреча в десять утра – плохой знак. Значит, Вольц планирует другие дела после разговора с Томом, даже на обед не пригласит. То ли он не сильно обеспокоен, то ли Гофф не слишком давил – похоже, Вольц ему тоже приплачивает. Да уж, порой желание дона оставаться в тени не шло на пользу семейному делу, так как посторонним его имя мало о чем говорило.

Догадка оказалась верной. Вольц промариновал Тома в приемной целых полчаса. Впрочем, ничего страшного. Кресло было весьма мягким и удобным, а на сливового цвета диване напротив сидело самое очаровательное дитя, которое Хейген когда-либо видел, – девочка лет одиннадцати-двенадцати, но одетая очень дорого и строго, как взрослая женщина, с удивительными золотистыми волосами, огромными темно-синими глазами и сочными малиновыми губами. С ней сидела женщина – очевидно, мать, – не сводившая с Хейгена такого хамовато-презрительного взгляда, что у обычно сдержанного юриста зачесались кулаки. «Как у подобной

ехидны мог родиться такой ангелочек?» – думал Хейген, отвечая взглядом на взгляд.

Наконец полноватая, с иголки одетая секретарша провела Хейгена через анфиладу дверей в просторный кабинет кинопродюсера Вольца. Красота работавших там людей произвела впечатление на Тома, и он с грустью улыбнулся. Эти проныры мечтают попасть в кинобизнес, начав с конторской работы, но едва ли им что-то светит. Большинство из них либо так и просидят за столами до старости, либо в конце концов признают поражение и вернутся в свои провинциальные городки.

Джек Вольц оказался высоким, крепко сложенным мужчиной с массивным брюшком, которое почти полностью скрывал идеально пошитый костюм. Хейген успел ознакомиться с биографией своего визави. В десять лет Вольц катал пустые пивные бочонки в Ист-Сайде. В двадцать – помогал отцу гонять работников на текстильной фабрике. В тридцать – переехал из Нью-Йорка на Западное побережье, вложился в первые кинозалы и взялся за съемки кинокартин. К сорока восьми он стал самым влиятельным киномагнатом в Голливуде, хотя так и остался грубоватым мужланом, неуголимым в любовных похождениях, – лютый волк в отаре беззащитных овечек-старлеток. В пятьдесят он решил себя пересоздать: взял уроки речи, научился одеваться у английского лакея и вести себя в свете у английского же дворецкого. После смерти первой жены женился на мировой знаменитости,

очаровательной актрисе, которая не любила сниматься. Сейчас, в шестьдесят, Вольц коллекционировал картины старых мастеров, входил в консультативный совет при президенте США и основал многомиллионный фонд своего имени для продвижения искусства в кинематографе. Его дочь вышла за английского лорда, а сын женился на итальянской принцессе.

Последним увлечением Вольца, о чем исправно сообщали все киноиздания в Америке, стали скаковые лошади, на которых в прошлом году он потратил десять миллионов долларов. Новость о том, как продюсер приобрел непобедимого британского скакуна Хартума за умопомрачительные шестьсот тысяч долларов, а потом объявил, что сделает из него племенного жеребца для своих конюшен, облетела все первые полосы.

Вольц принял Хейгена вежливо-радушно; его аккуратно выбритое, ухоженное лицо с ровным загаром искривилось в чем-то наподобие улыбки. Несмотря на усилия самых дорогих пластических хирургов, возраст все же было не скрыть: подтяжки на лице напоминали заплаты. Впрочем, двигался Вольц энергично, а держался так, будто абсолютно все вокруг принадлежит ему. Это роднило его с доном Корлеоне.

Хейген сразу перешел к делу, сказав, что его послал друг Джонни Фонтейна, очень влиятельный человек. Этот человек предлагает мистеру Вольцу благодарность и вечную дружбу в обмен на услугу. Услуга небольшая: снять Джонни

Фонтейна в новой военной картине, к съемкам которой студия приступает на следующей неделе.

Лоскутное лицо оставалось невозмутимо-вежливым.

– И чем этот ваш друг может мне угодить? – спросил Вольц с легким оттенком снисхождения в голосе.

Хейген пропустил высокомерный тон мимо ушей.

– У вас в профсоюзе назревают беспорядки, – пояснил он. – Мой друг может устранить эту угрозу раз и навсегда. Ваш ведущий актер, приносящий студии огромные барыши, решил пересест с марихуаны на героин. Мой друг может сделать так, что героина этот человек не достанет никогда и нигде. И что бы ни случилось впоследствии, всего один телефонный звонок мне – и ваши проблемы будут решены.

Джек Вольц посмотрел на Хейгена как на дворового задаваку. А потом резко сказал, не скрывая ист-эндского выговора:

– Ты что, пытаешься меня запугать?

– Вовсе нет, – спокойно ответил Хейген. – Я пришел просить об услуге для друга. Как я уже говорил, вы от этого только выиграете.

Лицо Вольца превратилось в гневную маску: губы поджаты, кустистые подкрашенные черным брови сведены в жирную черту над горящими глазами.

– Слушай сюда, ты, скользкий сукин сын, – проревел он, наваливаясь на стол, – и боссу своему передай, кто бы он ни был: Джонни Фонтейн не получит у меня роли никогда! И не

важно, сколько мафиозных прихвостней сюда заявятся. — Он вновь опустился в кресло. — Прими совет, приятель. Джон Эдгар Гувер — думаю, слышал, — Вольц саркастически усмехнулся, — мой близкий друг. Если он узнает, что на меня давят, вы и пикнуть не успеете, как вас прижмут.

Хейген не перебивал. От человека такого статуса он ожидал большей благоразумности. И как дурак сумел подняться до главы компании стоимостью в сотни миллионов долларов? Дон как раз ищет новые пути вложения денег, и если лучшие представители этой индустрии настолько тупы, то кино — хороший вариант, его стоит обдумать. Оскорбительный тон Хейгена несколько не коробил — искусству переговоров он учился лично у дона. «Не выходи из себя, — наставлял тот. — Не угрожай. Договаривайся». По-итальянски «договаривайся» звучало как *negoziare* — красиво и напоминало о негоциантах. Искусство заключалось в том, чтобы не отвечать на оскорбления и нападки, всегда подставлять другую щеку. Хейгену довелось наблюдать, как дон Корлеоне восемь часов провел за столом переговоров, глотая одну обиду за другой, пока пытался поставить на место знаменитого своей беспринципностью и манией величия мафиозо. В конце концов он бессильно всплеснул руками, сказал присутствующим: «Нет, с этим человеком невозможно договориться», — и покинул помещение. Мафиозо побледнел от ужаса и послал своих людей упросить дона вернуться. Соглашение было достигнуто, но два месяца спустя того человека застрели-

ли в его любимой парикмахерской.

– Вот моя визитка, – начал Хейген снова как ни в чем не бывало. – Я адвокат. Разве я похож на самоубийцу? С чего бы мне вам угрожать? Более того, я готов выполнить любое ваше условие, чтобы Джонни Фонтейн получил роль. Я и так уже немало предложил за столь небольшую услугу. Оказать ее, как мне видится, в ваших же интересах. По словам Джонни, вы тоже считаете, что он идеально подходит на эту роль. Будь это не так, никто вас ни о чем не просил бы. Если же вы тревожитесь за свои вложения, мой клиент готов профинансировать съемки. Однако скажу начистоту: мы примем любое ваше решение, даже отказ. Никто и не думает на вас давить. Мы в курсе ваших особых отношений с господином Гувером и, позволю себе добавить, уважаем вас за это. Мой босс относится к дружбе очень трепетно.

Вольц все это время рисовал закорючки большой красной ручкой, но на слове «профинансировать» наострил уши.

– Смета съемок составляет пять миллионов, – со знакомой снисходительностью произнес он.

Хейген присвистнул, демонстрируя, что впечатлен, и спокойно заметил:

– У моего босса есть друзья, которые поддержат его в этом предприятии.

Впервые за все время Вольц, похоже, отнесся к разговору серьезно. Он внимательно изучил визитку Тома.

– Я знаю почти всех крупных адвокатов в Нью-Йорке, но

твое имя слышу впервые. Откуда ты, черт побери, взялся?

– Я веду корпоративную практику, и у меня лишь один клиент, – сухо отметил Хейген, поднимаясь. – Что ж, не буду отнимать у вас время.

Он протянул руку, Вольц ее пожал.

У двери Хейген повернулся к продюсеру.

– Знаю, вам часто приходится иметь дело с людьми, которые пытаются казаться важнее, чем на самом деле. В моем случае все наоборот. Почему бы вам не расспросить обо мне нашего общего знакомого? Если передумаете, наберите мне в гостиницу. – Он помолчал и добавил: – Между прочим, мой клиент способен сделать для вас то, за что господин Гувер не возьмется.

Вольц сощурился: видно, до него наконец дошел смысл сказанного.

– И кстати, я большой поклонник ваших фильмов, – сказал Хейген с максимальной почтительностью. – Надеюсь, вы сможете и дальше делать хорошее кино, столь необходимое нашей стране.

Ближе к вечеру Хейгену позвонила секретарша продюсера и сообщила, что через час за ним приедет машина и ответит в загородный дом мистера Вольца на ужин. Дорога займет три часа, но в машине есть бар и кое-какие закуски. Хейген удивился, почему именно машина, ведь Вольц путешествует из дома на студию и обратно в частном самолете.

– Утром вас отвезут в аэропорт, поэтому мистер Вольц

также советует вам взять вещи с собой, – вежливо добавила секретарша.

– Хорошо, спасибо.

Еще один повод для удивления. Откуда Вольц узнал, что Хейген возвращается в Нью-Йорк утренним рейсом? Он задумался. Скорее всего, Вольц пустил по его следу частных детективов. Выходит, он точно в курсе, кого представляет Том, а значит, кое-что знает о доне, и, соответственно, готов обсудить дело всерьез. «Что ж, может, еще и выгорит, – подумал Хейген. – Вдруг Вольц и правда умнее, чем показался утром?»

* * *

Дом Джека Вольца напоминал декорации к очень дорогому фильму: особняк в колониальном стиле, огромная территория, опоясанная грунтовой тропой для верховой езды, конюшни и выгон для табуна лошадей. Изгороди, клумбы и газоны аккуратнее, чем маникюр у кинодивы.

Хозяин встретил Хейгена на застекленной веранде с кондиционером. Костюм продюсер сменил на голубую шелковую рубашку с открытым воротом, горчичного цвета брюки и мягкие кожаные сандалии. Лоскутное суровое лицо резко контрастировало с ярким и броским нарядом. Вольц вручил Хейгену огромный бокал мартини и взял еще один себе. Вел он себя куда приветливее, чем утром.

– Ужин скоро подадут, а пока давай посмотрим на лошадей, – предложил он, приобняв Хейгена. И по дороге к конюшням пояснил: – Я навел о тебе справки, Том. Что ж ты сразу не сказал, что работаешь на Корлеоне? Я-то решил, что Джонни решил натравить на меня третьесортного афериста... Афериста я бы погнал в шею, а вот наживать врагов среди серьезных людей не хочу. Впрочем, о делах после ужина. Пока можно расслабиться.

Как ни странно, Вольц показал себя рачительным хозяином и толково рассказал Тому о новаторских подходах, которые должны сделать его конюшни самыми успешными в Америке. Здание защищено от пожара, почти стерильно, а за безопасность отвечает частное охранное предприятие.

Наконец Вольц подвел гостя к стойлу с огромной бронзовой табличкой «Хартум».

Обитатель стойла был красив даже на неопытный взгляд Хейгена: чернильно-черный, с белым ромбовидным пятном на широком лбу. Огромные карие глаза отливали золотом, а тугая шкура лоснилась, как шелк.

– Лучший скакун в мире, – с детской хвастливостью заявил Вольц. – Купил в том году в Англии за шестьсот тысяч. Столько за лошадь не отдавали даже русские цари! Однако никаких скачек, он здесь для размножения. Я стану заводить лучших скакунов в стране.

Он погладил коня по гриве, приговаривая «Хартум, Хартум...» с таким искренним чувством, что скакун приластил-

ся.

– Между прочим, я сам хороший наездник, хотя впервые сел в седло в пятьдесят, – поведал Вольц и весело добавил: – Может, моя русская бабка согрешила с казаком, и мне это передалось по наследству? – Он пощекотал Хартуму живот и с неподдельным восхищением произнес: – Только взгляни на его агрегат. Мне бы такой!

Затем они вернулись в особняк отужинать. За столом при-служивали трое официантов во главе с дворецким. Скатерти были шиты золотом, приборы и сервиз – чистейшее серебро, а вот блюда показались Хейгену безвкусными. Вольц явно жил один и разборчивостью в еде не отличался. Весь ужин Том молчал, и только когда хозяин предложил ему огромную гаванскую сигару, спросил:

– Итак, Джонни получит роль или нет?

– Увы, – Вольц развел руками. – Я не в силах ввести Джонни в картину, даже если б захотел. Контракты подписаны, съемки уже на следующей неделе. Ничего не могу поделать.

– Мистер Вольц, – нетерпеливо перебил Хейген, – прелесть переговоров на высоком уровне в том и состоит, что такие отговорки не действуют. Вы можете сделать все, что захотите. – Он затянулся сигарой. – Или вы не верите, что мой клиент сдержит слово?

– Почему, верю, – сухо процедил продюсер. – Гофф звонил, предупредил о волнениях в профсоюзе, да еще таким тоном, будто я не отстегиваю ему по сотне тысяч в год. Су-

кин сын... И да, я верю, что вы заставите моего звездного засранца слезть с героина. Однако мне, по большому счету, на это плевать. И свои картины я в состоянии финансировать сам. Тут дело принципа: я терпеть не могу Фонтейна. Так своему боссу и передай, эту услугу я ему не окажу. А так – все что угодно.

«Скользкий гад, – подумал Хейген. – На кой черт ты тогда меня сюда притащил?» У продюсера явно было что-то на уме.

– Боюсь, вы неверно оцениваете ситуацию, – холодно произнес Том. – Джонни Фонтейн – крестник мистера Корлеоне. Эти отношения священны. – Вольц в религиозном пиетете склонил голову; Хейген продолжил: – У итальянцев есть шутивая присказка: мол, мир настолько суров, что у мужчины должно быть два отца. Вот поэтому крестные у них в таком почете. После смерти родного отца Джонни мистер Корлеоне чувствует ответственность за судьбу мальчика еще более остро. Впрочем, воспитание не позволяет ему настаивать, если он не получает согласия с первого раза.

Вольц пожал плечами.

– Увы, мой ответ по-прежнему «нет». Однако раз уж ты здесь, сколько мне будет стоить уладить ситуацию с профсоюзом? Плачу наличными, здесь и сейчас.

Что ж, одной загадкой меньше. Вот почему Вольц так его обхаживал, хотя с самого начала не собирался давать роль Джонни. Любые доводы будут впустую. Вольц чувствовал се-

бя защищенным, и никакой дон Корлеоне его не пугал. Да и с чего вдруг? У него связи в высших эшелонах власти, он на дружеской ноге с главой ФБР, денег куры не клюют, а вся киноиндустрия у него в кулаке. Любому разумному человеку, тем более Хейгену, ясно, что позиция Вольца крепка. И если он готов даже терпеть убытки от забастовки, то пронять его нечем. Однако в этой аккуратной картинке все же был один изъян: Вито Корлеоне пообещал крестнику, что добудет ему роль, а пустых обещаний, насколько знал Хейген, дон не давал никогда.

– Не понимаю, почему вы держите меня за обычного вымогателя, – сдержанно произнес Хейген. – Мистер Корлеоне готов решить вашу проблему с профсоюзом, если вы снимете в кино его крестника. Услуга за услугу – по-дружески, – вот и всё. Однако, вижу, вы не воспринимаете меня всерьез. По-моему, зря.

Вольц как будто только этого и ждал.

– Ясно! – вскинулся он. – Так вот как выглядят ваши мафиозные штучки? Истекаешь тут передо мной оливковым маслом, а на деле – сплошные угрозы? Что ж, объясню на пальцах. Джонни Фонтейн роль не получит. Да, она идеально ему подходит и сделает его звездой. Только ничего не будет. Я ненавижу этого недоноска и хочу похоронить его карьеру. Почему? Объясню. Он испортил одну из моих самых дорогих протее. Пять лет я готовил ее, потратил сотни тысяч долларов на учителей по пению, танцам и актерской иг-

ре. Я лепил из нее звезду. И если совсем уж начистоту, дело не только в деньгах. Пойми, я не черствый мужлан, у меня и сердце есть. У этой красотки прекраснейший зад из всех, что я видел, а у меня были красотки со всего света. Ртом работает, что твой насос. И тут Джонни со своим оливковым голосом и макаронным шармом уводит ее! Она все бросает и сбегает с ним, выставя меня на посмешище. Человеку моего положения, мистер Хейген, не пристало быть посмешищем. Джонни должен поплатиться.

Вольцу все-таки удалось удивить Хейгена. Уму непостижимо, как взрослый, степенный человек позволяет подобным мелочам влиять на свои решения, причем до такой степени! В мире Хейгена – в мире Корлеоне – внешняя привлекательность и сексуальные таланты женщины не имели ровным счетом никакого отношения к деловым вопросам. Они что-то значили только в личных отношениях – естественно, когда речь не шла о браке и чести Семьи.

И все же Хейген решил попытать счастья в последний раз.
– Вы совершенно правы, мистер Вольц. Но неужели ваша обида столь велика? Похоже, вы не вполне понимаете, насколько важна эта скромная услуга для моего клиента. Мистер Корлеоне держал маленького Джонни на руках, когда его крестили. После смерти отца Джонни мистер Корлеоне стал его воспитателем и опекуном. Есть немало людей, тоже готовых назвать его крестным отцом – из уважения или благодарности за помощь. Своих друзей мистер Корлеоне нико-

гда не подводит.

Вольц резко поднялся.

– Всё, довольно! Не позволю, чтобы какие-то бандиты мною помыкали. Мне достаточно сделать один звонок, и ночь ты проведешь в кутузке. А если ваша шайка попыбует надавить на меня... что ж, я не какой-то там жалкий импресарио. Да-да, я знаю эту историю... Твой мистер Корлеоне и пикнуть не успеет. Мне даже не нужно будет задействовать связи в Белом доме.

«Сукин сын еще и туп. Как он умудрился стать таким большим боссом? – недоумевал Хейген. – Советник президента, руководитель крупнейшей в мире киностудии... Нет, дону определенно нужно идти в этот бизнес». Мало того, кретин воспринимал все сказанное буквально, не понимая истинного смысла.

– Благодарю за ужин и приятную беседу, – произнес Хейген. – Не могли бы вы организовать мне транспорт до аэропорта? Остаться на ночь, боюсь, не смогу. – Он холодно улыбнулся. – Плохие новости следует сообщать мистеру Корлеоне незамедлительно.

Ожидая машину на ярко освещенном портике, Хейген увидел, как к длинному лимузину, припаркованному на подъезде, направляются двенадцатилетний ангелочек с матерью – те самые, кого Том видел утром в предбаннике у Вольца. Изящно очерченный ротик девочки был весь в пунцовых разводах от помады, синие глаза заволкло пеленой, а

когда она спускалась по ступенькам, ее стройные ножки дрожали, как у новорожденного жеребенка. Мать помогла дочке сесть в лимузин, шепча в ухо наставления. Прежде чем залезть следом, она украдкой оглянулась на Хейгена; ее глаза горели хищным триумфом.

Том понял, почему его везли из Лос-Анджелеса на машине: в самолете летели девочка с мамашей. Продюсер успел отдохнуть перед ужином, а заодно развлекся с малолеткой... И в этот мир Джонни столь отчаянно рвется? Ну что ж, удачи ему. И Вольцу тоже.

* * *

Поли Гатто терпеть не мог срочные поручения, особенно связанные с рукоприкладством. Он любил планировать все заранее. А сегодняшнее дело, пускай и было обыкновенным мордобоем, могло обернуться серьезными неприятностями, допусти хоть кто-то ошибку. Потягивая пиво, он косил глазами на двух отморозков, пристававших к паре малолетних шалав у барной стойки.

Поли Гатто знал об этих отморозках все, что нужно: Джерри Вагнер и Кевин Мунан, обоим около двадцати, холеные, с каштановыми волосами, высокие, крепко сложенные. Обоим через две недели предстояло покинуть Нью-Йорк и вернуться в колледж, у обоих отцы занимаются политикой, что вкупе со специальностью помогло им избежать призыва. Еще

у обоих условный срок за нападение и покушение на изнасилование дочери Америкго Бонасеры. «Вшивые подонки», – подумал Поли Гатто. Мало того что уклонисты, так еще и нарушают условия испытательного срока, пьянствуя в баре после полуночи и цепляя шлюшек. Одно слово – отморозки. Впрочем, Поли и сам получил отсрочку: в карте, которую его врач передал призывной комиссии, значилось, что пациент (мужчина, белый, двадцать шесть лет, холост) проходит лечение электрошоком в связи с психическим заболеванием. Подделка, конечно, которую достал ему Клеменца, однако Поли считал ее заслуженной, ведь он достойно прошел «боевое крещение».

Именно Клеменца приказал побыстрее разобраться с парнями, пока те не уехали в колледж. «Зачем вообще это делать в Нью-Йорке?» – недоумевал Гатто. Нет бы просто дать задание, но Клеменца постоянно ставит дополнительные условия... Не дай бог девчонки уйдут с отморозками – еще одна ночь насмарку.

– С ума сошел, Джерри?! – взвизгнула одна из девочек и, презрительно смеясь, произнесла: – Никуда я с тобой не поеду. Не хочу оказаться в больнице, как та бедняжка.

Гатто понял: попались. Он допил пиво и вышел на темную улицу. Все складывалось идеально. Время уже за полночь, свет горит только в баре напротив, остальные заведения закрыты. Патрульной машины нет – об этом позаботился Клеменца. Полиция прибудет, только когда ее вызовут по рации,

да и тогда не станет торопиться.

Поли оперся о четырехдверный «Шевроле». На заднем сиденье невидимками дожидались двое массивных мужчин.
– Как выйдут, принимайте, – сказал он.

Готовились буквально «на коленке». Клеменца выдал копии с фотографий из полицейского протокола, а также наводку, где эти отморозки по ночам пьянствуют и снимают девочек. Поли подобрал двух амбалов из боевого крыла Семьи, указал им на жертв и дал наставление: по темечку и затылку не бить, чтобы случайно не уколошить; в остальном без ограничений. Ах да, и еще: «Если их выпишут из больницы раньше, чем через месяц, будете снова водить грузовики».

Амбалы вылезли из седана. Оба в прошлом были боксерами, но так и не смогли пробиться дальше вышибал в заштатных клубах. Санни Корлеоне устроил их выколачивать долги, дав возможность заработать на достойное существование. Естественно, они горели желанием оправдать доверие.

Джерри Вагнер и Кевин Мунан вышли из бара в идеальной кондиции – девичьи насмешки здорово распалили мальчишеское тщеславие. Поли Гатто, опершись о крыло машины, презрительным смехом привлек их внимание:

– Эй, Казанова! Ну и здорово тебя та крошка отшила!

Юнцы повернулись к нему с наслаждением. Поли Гатто казался прекрасным объектом для того, чтобы выместить злобу за унижение. Низкорослый, тощий, с лицом, как у

хорька, так еще и сам нарывается... Парни решительно двинулись на него, и вдруг двое амбалов схватили их сзади за руки. В этот момент Поли Гатто надел на правую руку сделанный на заказ кастет с железными шипами в одну шестнадцатую дюйма. Он был проворен и тренировался в спортзале трижды в неделю. Первый удар пришелся отморожку по имени Вагнер прямо в нос, затем амбал поднял парня над землей, и Поли с размаху вмазал в подставленную промежность. Вагнер обмяк, и амбал бросил его. Это заняло от силы секунд шесть.

Вдвоем парни переключились на Кевина Мунана. Тот попытался закричать, но тот, кто держал его сзади, освободил одну руку и пережал Мунану горло.

Поли Гатто нырнул в машину и завел двигатель. Его ребята делали из Мунана отбивную, причем с пугающей методичностью, словно у них в запасе была целая вечность. Они не метелили его, а били медленно, с замахом, вкладывая всю свою массу. Каждый удар отдавался хрустом и треском разрывающейся кожи. Гатто мельком увидел лицо Мунана: его было невозможно узнать. Бросив Мунана на тротуаре, амбалы вернулись к Вагнеру. Тот почти поднялся и звал на помощь. Кто-то вышел из бара, так что пришлось ускориться. Они сшибли Вагнера с ног, один схватил его за руку, выкрутил и саданул ногой по спине. Хрустнули ребра, и от истошного вопля Вагнера жители соседних домов начали открывать окна и высовываться наружу. Время было на исхо-

де. Один амбал, как в тисках, зажал голову Вагнера массивными ладонями, а второй со всего размаху впечатал кулак ему в физиономию. Из бара высыпали еще люди, но никто не вмешивался.

– Хорош, погнали! – крикнул Поли Гатто.

Верзилы прыгнули в машину, и та сорвалась с места. Кто-то, конечно, сможет описать машину и, возможно, даже назовет ее номер, но это уже не имело значения. Номера сняли с автомобиля, угнанного в Калифорнии, а в одном только Нью-Йорке черных «Шевроле» порядка сотни тысяч.

Глава 2

В четверг с самого утра Том Хейген разбирался у себя в городском офисе с бумагами, чтобы никакие мелочи не отвлекали его от подготовки к встрече с Вирджилио Солоццо в пятницу. Солоццо собирался сделать Семье деловое предложение, и разговор обещал быть очень важным, так что Том попросил дону выделить целый вечер на его обсуждение.

Результаты переговоров с Вольцем, о которых Хейген доложил, вернувшись во вторник вечером, дону не удивили. Он заставил Хейгена пересказать встречу во всех подробностях. Упоминание о юном ангелочке и ее матери вызвало у дона брезгливую гримасу.

– *Infamita*, – произнес он, что означало высшую степень неодобрения. А потом спросил о главном: – Из чего у этого продюсера сделаны яйца?

Хейген задумался, что именно означает этот вопрос. За многие годы он понял, что у дона свой набор ценностей, не такой, как у большинства, и что его слова зачастую следует трактовать не буквально. Есть ли у Вольца внутренний стержень и сильная воля? Безусловно, есть, но дону интересовало не это... Готов ли Вольц рискнуть, посчитав предостережения Хейгена блефом? Готов ли к убыткам из-за срыва съемок и скандалу, если вскрыется, что его главная звезда сидит на героине? В обоих случаях ответ «да», но, опять же,

дона интересовало не это... Наконец Том разгадал истинный смысл вопроса: хватит ли Джеку Вольцу духа ради принципов и мелочной мести поставить на кон все?

Хейген усмехнулся. Он редко позволял себе подтрунивать над доном, но сейчас удержаться не мог.

– Вы хотите знать, сицилиец он или нет?

Дон улыбнулся и кивнул, оценив правильность догадки и остроумную лесть.

– Нет.

На этом разговор завершился. До следующего утра дон пребывал в раздумьях. В среду днем он позвонил своему консьюэри домой и дал инструкции. Остаток дня Том выполнял их, не переставая восхищаться изобретательностью Вито Корлеоне и нисколько не сомневаясь, что проблема решена. Уже этим утром Вольц позвонит и скажет, что Джонни Фонтейн исполнит главную роль в его новом военном фильме.

Телефон действительно зазвонил, но на проводе был Америго Бонасера. Дрожащим от благодарности голосом мастер похоронных дел просил заверить дона в его вечной признательности и преданности. Дону достаточно сказать лишь слово, и он, Америго Бонасера, положит жизнь за благословенного крестного отца. Хейген пообещал, что все передаст.

На центральном развороте «Дейли ньюс» красовалось крупное фото Джерри Вагнера и Кевина Мунана. Ракурс был подобран со вкусом: казалось, на улицу кто-то вывалил окро-

вавленные мясные туши. Просто чудо, писал репортер, что эти двое выжили, но несколько месяцев они проведут в больнице, и им также потребуется пластическая операция. Хейген пометил себе сказать Клеменце, чтобы тот похвалил Поли Гатто. Парень, судя по всему, свое дело знает.

Следующие три часа Том, не отвлекаясь, сводил ведомости о доходах, которые приносили дону рента, импорт оливкового масла и фирма-застройщик. Дела шли не очень хорошо; впрочем, теперь, когда война позади, все должно наладиться. Вопрос с Джонни Фонтейном уже почти забылся, когда секретарша сообщила, что звонят из Калифорнии. С легким трепетом предвкушения Том снял трубку.

– Хейген у аппарата.

– Ты гребаный ублюдок! – задыхаясь от ярости, проорал в трубку Вольц; узнать его было непросто. – Я потрачу все до цента, но достану тебя! Ты у меня до конца дней просидишь за решеткой! А твоему Джонни Фонтейну я яйца оторву, слышал, итальянская свинья?

– Мои родители немцы и ирландцы, – миролюбиво произнес Хейген.

На том конце провода долго молчали, потом раздался щелчок. Хейген усмехнулся. За всю свою гневную тираду Вольц ни разу не упомянул дона Корлеоне. Чем не повод для гордости?

В спальне Джека Вольца можно было бы снимать сцены бала, а на кровати уместились бы человек десять, однако после смерти первой жены он спал один. Это, впрочем, не значило, что Вольц перестал брать в постель женщин. Для своего возраста он был еще крепок, однако возбуждали его теперь только совсем юные девочки, а выносить их присутствие больше пары часов у него не хватало ни сил, ни терпения.

Утром в четверг Вольц отчего-то проснулся рано. В рассветных лучах огромная спальня казалась туманным лугом. У далекого изножья кровати виднелся силуэт, напоминающий лошадиную голову. Вольц кряхтя, привстал на локтях, чтобы получше его разглядеть, и сонно потянулся к лампе на ночном столике.

От увиденного ему стало плохо. В грудь как будто ударили огромной кувалдой, сердце забилося неровно, к горлу подкатила тошнота. Джека Вольца вырвало прямо на медвежью шкуру, устилавшую пол.

На кровати лежала черная, лоснящаяся голова жеребца Хартума, гордости Вольцевой конюшни. Из отрубленной шеи торчали белые сухожилия, покрытые спекшейся коркой. Рот весь в пене, а когда-то золотистые большие глаза выцвели и были налиты кровью. Вольца охватил поистине живот-

ный ужас. Сначала он испуганным воплем позвал прислугу, а затем, не чувствуя себя, позвонил Хейгену и наговорил ему угроз. Безумные вопли напугали дворецкого, и тот вызвал личного врача Вольца, а также заместителя со студии. К их приезду продюсер, однако, взял себя в руки.

Произошедшее потрясло его до глубины души. Кому придет в голову убивать животное стоимостью шестьсот тысяч долларов? Причем без предупреждения, без переговоров, без возможности отвести беду... Безжалостность и полное презрение к любым ценностям говорили о том, что свершивший это ставит себя выше закона, а то и выше самого Бога. Добавьте сюда напор и хитроумие, с каким провели охрану конюшен. Вольцу уже доложили, что коня одурманили, прежде чем оттяпать огромную голову топором. Ночные сторожа в один голос утверждали, что ничего не слышали. Так не бывает, думал Вольц, их подкупили, и необходимо выбить из них – кто.

Вольц был не дурак, просто в высшей степени самоуверен. Он считал, что его влияние куда весомее, чем у какого-то дона Корлеоне. И все же хватило одного-единственного факта, чтобы это опровергнуть. Несмотря на все деньги, все связи, знакомство с президентом и дружбу с главой ФБР, какой-то занюханный импортер оливкового масла мог убить Вольца. Причем не просто мог – убил бы! И все из-за того, что Вольц не дал Джонни Фонтейну роль, о которой тот мечтал. В каком мире такое поведение и такие поступки вообще

возможны? Безумие, в голове не укладывается... Выходит, что все твои деньги, все твои компании, вся твоя власть гроша ломаного не стоят. Это даже не коммунизм, а в десять раз хуже. Такую заразу нужно давить в зародыше.

Вольц позволил вколоть себе легкое успокоительное, благодаря чему снова смог рассуждать здраво. Более всего его поражало хладнокровие, с которым этот Корлеоне убил лучшего в мире скакуна за шестьсот тысяч долларов. Шестьсот тысяч!.. А ведь это только начало. Содрогнувшись, Вольц заново осмыслил свою жизнь. Он богат, первые красавицы мира в его власти, достаточно поманить пальцем и пообещать контракт. Его принимают в королевских дворцах. Он живет так широко, насколько позволяют ему деньги и власть. А теперь может лишиться всего из-за простого каприза. А что, если добраться до Корлеоне? Что положено по закону за убийство скаковой лошади?.. Вольц расхохотался так безумно, что врач и прислуга смотрели на него с тревогой. Он понял, что станет посмешищем для всей Калифорнии просто потому, что кто-то столь надменно поглумился над его властью. Остается одно. Ведь навряд ли – да уж, навряд ли! – его станут убивать, подумал Вольц. У них наверняка есть в мыслях нечто куда более болезненное и изобретательное.

Вольц отдал необходимые распоряжения, и личные помощники принялись за работу. С прислуги и врача взяли обещание молчать, иначе не миновать им вечного гнева студии и Вольца лично. Прессе сообщили, что жеребец по клич-

ке Хартум умер от болезни, подхваченной при транспортировке из Великобритании. Останки тайно похоронили на территории усадьбы.

Через шесть часов Джонни Фонтейну позвонил исполнительный продюсер и сообщил, чтобы тот со следующего понедельника приступал к съемкам.

* * *

Вечером того же дня Хейген приехал к дону обсудить предстоящую встречу с Вирджилио Солоццо. Санни Корлеоне, которого дон пригласил участвовать в разговоре, с усталым видом попивал виски. Видно, все продолжает обхаживать ту девушку со свадьбы, подумал Хейген. Еще один повод для беспокойства.

Дон Корлеоне сидел в кресле, попыхивая сигарой «Де Нобили», коробку с которыми Хейген держал в кабинете. Он как-то пытался уговорить дона перейти на гаванские, но тот отказался – мол, горло дерут.

– Итак, известно ли нам все, что нужно знать? – спросил дон.

Хейген открыл папку с записями: ничего уличающего, лишь краткие неразборчивые пометки, напоминающие о важных подробностях.

– Солоццо обращается к нам за помощью. Он попросит у Семьи капитал в миллион долларов или больше, а также про-

текцию в полиции и судах. Взамен мы получим долю в бизнесе, какую – неизвестно. За Солоццо ручается семья Татталья. Видимо, они уже в деле. Речь о наркотиках. У Солоццо есть связи в Турции, где растят опиумный мак, который переправляют на Сицилию и перерабатывают в героин. Все налажено. При необходимости предприятия могут перейти на производство морфия, а затем опять вернуться к героину. В общем, со всех сторон они защищены. Главная загвоздка – доставка товара в Америку и его распространение. Ну и начальный капитал: миллион наличными на дороге не валяется.

Дон поморщился. Лирика в обсуждении деловых вопросов ему не нравилась.

– Солоццо называют Турком, – поспешил вернуться к сути Хейген. – Причины две. Во-первых, он долго прожил в Турции; у него, вероятно, там жена и дети. Во-вторых, он очень ловко обращается с ножом – или обращался по молодости. В бизнесе, впрочем, ведет себя разумно, не зарывается. Серьезный человек, на поводу ни у кого не идет. Есть судимости, отбыл два срока – в Италии и в Штатах. Властям известно, что он занимается наркотиками. Для нас это плюс. Раз все знают про его дела, значит, рассчитывать на свидетельский иммунитет он не сможет. Также у него жена и трое детей в Америке, он примерный семьянин. Подельников не сдаст, если будет уверен, что его семья не останется без средств на существование.

– Что скажешь, Сантино? – спросил дон, затягиваясь сигарой.

Хейген знал, что ответит Санни. Тот страдал под пятой у дона; ему хотелось иметь свой бизнес, причем крупный. Например, такой.

Санни приложился к бокалу со скотчем и произнес:

– В белом порошке много денег. Опасно, конечно... Можно загреметь лет на двадцать. Думаю, разумно было бы обеспечить деньги и протекцию, а в продажи не лезть.

Хейген посмотрел на Санни с одобрением. Все сделал как надо: озвучил очевидное, не придерешься.

Дон выдохнул дым.

– А ты сам, Том, как думаешь?

Хейген приготовился отвечать прямо. Он давно понял, что дон не примет предложение Солоццо. Вот только консьюльери не покидало ощущение, что сейчас тот редкий случай, когда дон проявляет недальновидность.

– Ну же, Том, – подбодрил дон. – Даже консьюльери-сицилиец не всегда согласен с боссом.

Все засмеялись.

– Думаю, нужно согласиться, – сказал Хейген. – Основные доводы вам известны. Самое главное: по прибыльности наркотики намного превосходят любой другой бизнес. Если не подключимся мы, найдутся другие – например, Таталья. С полученной прибыли они смогут подмять под себя еще больше полиции и политиков. Их Семья станет сильнее

и в конце концов заберет у нас все. Это как в международной политике: вооружается сосед, вооружайся и ты. Сосед развивает экономику – значит, скоро станет угрозой. Сейчас у нас игорный бизнес и профсоюзы – на данный момент самое лучшее вложение. Однако будущее, я думаю, за наркотиками. И либо мы вписываемся в это дело, либо теряем все. Не сейчас, нет, но лет через десять точно.

Дон, похоже, был впечатлен. Немного попыхтев сигарой, он тихо произнес:

– Да, это, безусловно, важно. – Он вздохнул и поднялся. – Во сколько у нас встреча с этим нечестивцем?

– Солоццо приедет в десять, – ответил Том с надеждой: может, босс все-таки согласится?

– Я хочу, чтобы вы оба присутствовали. – Вито Корлеоне потянулся и взял сына под руку. – Сантино, сегодня выпись, ты выглядишь как черт. Береги себя, молодость не вечна.

Польщенный отцовским вниманием, Санни задал вопрос, на который Хейген не решался:

– Что ты ответишь, пап?

Дон Корлеоне улыбнулся.

– Как я могу сказать, если не знаю подробностей сделки? Кроме того, мне нужно обдумать ваши доводы. Я из тех, кто принимает решения на холодную голову. – Уже у двери он обернулся и бросил Хейгену: – Кстати, у тебя записано, что Турок до войны зарабатывал на проституции? Как и Татталья сегодня... Пометь, чтобы не забыть.

Это было сказано с намерением уколоть. Том насупился: он располагал этими сведениями и умолчал о них намеренно. Во-первых, они не имели отношения к делу, а во-вторых, он боялся, что предрассудки повлияют на решение донна. Взгляды на мораль у главы Семьи были весьма пуританские.

* * *

Вирджилио Солоццо по прозвищу Турок оказался крепко сложенным мужчиной среднего роста со смуглым лицом. Его и впрямь можно было принять за турка: нос загнутый, как ятаган, глаза черные, взгляд жесткий. Держался он с впечатляющим достоинством.

Санни Корлеоне встретил гостя у двери и провел в кабинет, где уже ждали Хейген с доном. Том сразу отметил, что более опасного человека в жизни не встречал. Не считая Луки Брази, конечно.

Все вежливо пожали друг другу руки. «Если дон спросит, из чего у этого человека яйца, – подумал Хейген, – я отвечу: из стали». Такой внутренней силы он не видел ни в ком, даже в доне. Тот, кстати, показал себя не лучшим образом – слишком простецким, слишком провинциальным.

Солоццо сразу же перешел к делу. Он предлагает семье Корлеоне заняться наркотиками. Бизнес давно налажен. С маковых плантаций в Турции каждый год поступает опре-

деленный объем сырья. Во Франции есть надежное предприятие, перерабатывающее опиум в морфий. А на Сицилии на тайном заводе делают из опиума героин. Трафик по этим направлениям безопасен, насколько это возможно. Выход на рынок США приведет к потерям в пять процентов, ведь ФБР, как всем прекрасно известно, неподкупно. Однако барыши будут огромными, а риск – минимален.

– И зачем вам я? – вежливо поинтересовался дон. – Чем я заслужил подобную щедрость?

Лицо Солоццо оставалось бесстрастным.

– Мне нужны два миллиона долларов наличными. А еще нужен человек с влиятельными друзьями в нужных местах. Моих курьеров будут ловить, это неизбежно. Все они будут кристально чисты перед законом, это я обещаю. А значит, никаких препятствий, чтобы им давали минимальный срок. Но мне нужен друг, который сможет гарантировать, что те, кого поймают, проведут в тюрьме один-два года, не больше. Тогда они будут молчать. Но вдруг срок будет десять лет? Двадцать?.. В этом мире много слабаков. Если они заговорят, то поставят под удар важных людей. Без юридической протекции никуда. Я слышал, дон Корлеоне, будто у вас в кармане судей что медяков в шляпе у чистильщика обуви.

– Какова будет доля моей Семьи? – Дон Корлеоне никак не отреагировал на лесть.

Глаза у Солоццо сверкнули.

– Пятьдесят процентов. – Он помолчал, а потом очень

вкрадчиво произнес: – Только в первый год вы заработаете три-четыре миллиона. Дальше – больше.

– А какова доля семьи Татталья? – спросил дон.

– Я плачу им из своей доли. – Впервые в голосе Солоццо прорезалась настороженность. – За помощь в организации.

– Итак, – произнес дон Корлеоне, – я получаю пятьдесят процентов всего лишь за капитал и юридическую протекцию, а организацию вы берете на себя. Я все верно понял?

Солоццо кивнул.

– Если для вас два миллиона наличными – это «всего лишь капитал», то могу вас поздравить, дон Корлеоне.

– Я согласился принять вас, – ровным голосом произнес дон, – только из уважения к Татталья и потому что вас считают серьезным человеком. Однако вынужден вам отказать, и объясню почему. Доходы от вашего бизнеса велики, но столь же велик и риск. Ваши дела, окажись я в них замешан, могут повредить другим моим интересам. У меня много, очень много друзей в политике, это правда, но они не станут закрывать глаза на наркотики. Азартные игры и алкоголь для них – безвредные грешки, а вот наркотики – грязный бизнес... Нет, нет, не возражайте. Я говорю за них, не за себя. Меня лично не волнует, чем человек зарабатывает свой хлеб. Тем не менее я считаю ваш бизнес слишком рискованным. Члены моей Семьи десять лет жили очень хорошо и ничего не опасались. Я не могу ставить под угрозу их жизнь и благополучие только из жадности.

Разочарование Солоццо выдали только глаза, метнувшиеся в сторону Хейгена и Санни, словно в надежде на поддержку.

– Вы переживаете за свои два миллиона?

– Нет, – ответил дон с холодной улыбкой.

– Семья Татталья гарантирует сохранность ваших вложений.

И тут Санни Корлеоне совершил непростительную ошибку, вмешавшись в ход переговоров:

– Семья Татталья гарантирует возврат наших денег – и при этом не возьмет процентов?

Хейген опешил от такого безрассудства. Дон обратил на сына зловещий взгляд, и тот осекся. На лице Санни застыли раздражение и непонимание. Во взгляде Солоццо теперь читалось удовлетворение: вот она, брешь в цитадели Корлеоне.

– Молодежь жадна, – бросил дон с пренебрежением. – Никакого воспитания. Перебивают старших. Лезут, куда не просят. Увы, я сентиментален и питаю слабость к детям, оттого они такие избалованные... *Signor* Солоццо, мой отказ окончателен. Жаль, что приходится вас разочаровывать. Со своей стороны я желаю вашему бизнесу процветания. Мне он не мешает.

Солоццо наклонил голову, пожал дону руку и в сопровождении Хейгена вышел к своей машине. Лицо его при прощании не выражало ничего.

Когда Том вернулся, дон Корлеоне спросил:

– Ну что, каким он тебе показался?

– Он сицилиец, – сухо произнес Хейген.

Дон задумчиво кивнул, потом повернулся к сыну и мягко произнес:

– Сантино, никогда не высказывай свои истинные мысли при посторонних. Никогда неставляй себя напоказ. Боюсь, из-за интрижки с той девчонкой у тебя мозги размякли. Бросай ее и сосредоточься на деле. А теперь пошел вон.

В ответ на выволочку Санни сначала удивился, затем обиженно насупился. Он что, правда думал, будто дон оставит его выходку без внимания? Или не понимает, какой опасный просчет совершил во время встречи?.. Если так, Хейген не хотел бы оказаться консилиери при доне Сантино Корлеоне.

Корлеоне-старший дождался, пока Санни выйдет, потом опустился в кожаное кресло и резко махнул рукой, требуя выпить. Хейген налил ему рюмку анисового ликера. Дон поднял глаза:

– Вызови ко мне Луку Брази.

* * *

Прошло три месяца. Хейген был в своем офисе и хотел поскорее разделаться с бумагами, надеясь уйти пораньше, чтобы купить рождественские подарки жене и детям. От работы его оторвал звонок Джонни Фонтейна. Тот бурлил от избытка чувств. Фильм снят, черновой монтаж великолепный (что

бы это ни значило). Еще Джонни отправил дону подарок, от которого у крестного отца глаза на лоб вылезут. Он бы и сам привез, но из-за мелких доделок по фильму должен остаться на Западе. Хейген нетерпеливо угукал в трубку. Что все находит в Джонни Фонтейне, для него оставалось загадкой.

– Что за подарок? – спросил он, впрочем, не в силах совладать с интересом.

– Не скажу! – Джонни хихикнул. – В этом ведь смысл подарка.

Том тут же утратил интерес к дальнейшему разговору и вежливо попрощался.

Не прошло и десяти минут, как секретарша сообщила, что звонит Конни Корлеоне. Хейген вздохнул. Милая девушка, став замужней женщиной, превратилась в обузу. Она постоянно жаловалась на мужа. Регулярно приезжала к матери и гостила по два-три дня. А Карло Рицци оказался полным неудачником. Ему дали небольшое прибыльное дело, но он сумел поставить его на грань банкротства. А еще он пил, ходил на сторону, играл и время от времени бил жену. Родным об этом Конни говорить боялась, зато сказала Хейгену. Тот обреченно приготовился слушать очередной поток жалоб.

Однако предпраздничный дух, видимо, поднял Конни настроение. Она просто хотела узнать, что подарить на Рождество отцу. А еще Санни. И Фреду. И Майку. Для матери она подарок уже выбрала. Хейген предложил несколько вариантов, но Конни отмела все как дурацкие, а потом наконец ска-

зала, что не хочет больше его отвлекать.

Услышав очередной звонок, Хейген швырнул бумаги в корзину. Ну их к черту, пора вставать и уходить! Впрочем, не ответить ему не позволяло воспитание. А когда секретарша сообщила, что звонит Майкл Корлеоне, Том с радостью снял трубку. Он любил Майки.

– Том, завтра я приеду в город вместе с Кей. Я хотел сказать отцу кое-что важное перед Рождеством. Он будет дома завтра вечером?

– Конечно, – ответил Хейген. – До конца праздников он никуда не уедет. Мне что-нибудь для тебя сделать?

Но Майкл был скрытен, весь в отца.

– Нет. Думаю, увидимся на Рождество. Все ведь будут на Лонг-Бич?

– Да.

И Майкл, не размениваясь на праздную болтовню, что обрадовало Тома, повесил трубку.

Хейген попросил секретаршу позвонить его жене и сказать, что задержится. Пусть оставит ужин на столе. Выйдя из офиса, он быстро зашагал к центральному универмагу «Мейсис». Вдруг кто-то перегородил ему путь. И не абы кто, а сам Солоццо!

Турок взял Хейгена под руку и тихо произнес:

– Не пугайся, я просто хочу поговорить.

Дверь припаркованного у обочины автомобиля вдруг открылась.

– Садись, – так же тихо поторопил Солоццо.

– Мне некогда, – сказал Хейген, вырывая руку. Тревоги он пока не чувствовал, только раздражение.

Тут сзади подошли двое. Ноги у Хейгена вдруг стали ватными.

– Садись в машину, – повторил Солоццо. – Поверь, если б я хотел тебя убить, то уже убил бы.

Хейгена эти слова совершенно не успокоили, но в машину он сел.

* * *

Майкл Корлеоне соврал. Он уже был в Нью-Йорке, а звонил из номера в отеле «Пенсильвания», меньше чем в десяти кварталах от офиса Хейгена.

– А ты убедительный врунишка, Майки, – туша сигарету, заметила Кей Адамс, когда он положил трубку.

Тот присел на кровать рядом с ней.

– Все ради тебя, милая. Скажи я родным, что мы здесь, нас бы сразу же вытащили – и никакого тебе ужина, никакого театра, а спать пришлось бы отдельно. Таков порядок в доме моего отца: мы ведь не женаты.

Он обнял Кей и мягко поцеловал в сладкие губы, а затем аккуратно повалил возлюбленную на кровать. Она закрыла глаза, ожидая, что произойдет дальше, и Майкл ощутил невероятный прилив счастья. Всю войну он сражался на

кровавых островах в Тихом океане, мечтая о девушке вроде Кей Адамс: красивой, нежной, хрупкой и страстной. Кей открыла глаза и притянула Майкла к себе. Они занимались любовью до самого выхода на ужин и в театр.

После ужина они шли мимо ярко освещенных витрин, за которыми сновали покупатели, спешащие купить подарки.

– Чего ты хочешь на Рождество? – спросил Майкл.

– Ничего, только тебя, – ответила Кей, прижимаясь к нему. – Как думаешь, твой отец меня примет?

– Это не важно, – с улыбкой ответил Майкл. – Важнее, примут ли твои родители меня.

– Мне все равно, – Кей пожала плечами.

– Я даже думал сменить фамилию, хотя в случае чего это вряд ли помогло бы. А ты уверена, что хочешь стать Корлеоне? – Вопрос был шутливым лишь отчасти.

– Уверена, – серьезно ответила Кей и крепко обняла любимого.

Они решили пожениться на рождественской неделе: потихому расписаться в ратуше, пригласив только двоих свидетелей. Однако Майкл настоял, что должен сказать отцу. Не то чтобы тот стал возражать, но он не поймет, если все случится тайно. Кей, однако, сомневалась. Своим родителям она собиралась сказать обо всем только после свадьбы.

– Они, естественно, подумают, что я беременна.

– Мои тоже, – усмехнулся Майкл.

Оба умолчали о том, что ему придется порвать с родствен-

никами. Да, в каком-то смысле он уже от них отдалился, но отчего-то обоим было совестно. Они думали сначала окончить колледж, а пока видаться на выходных и жить вместе во время летних каникул. Жизнь представлялась счастливой.

В театре давали мюзикл под названием «Карусель» – мелодраматичную историю о хвастливом воришке, и все представление Майкл с Кей весело улыбались друг другу. Когда они вышли из театра, на улице похолодало. Кей теснее прижалась к Майклу.

– Когда мы поженимся, ты будешь меня избивать, а потом дарить в знак извинения украденную машину?

– Я буду преподавать математику, – ответил Майкл, смеясь, а затем спросил: – Хочешь перекусить перед тем, как вернемся в отель?

Кей мотнула головой и со значением посмотрела ему в глаза. Ее всегдашняя готовность заниматься любовью неизменно трогала. Майкл улыбнулся, и они стали целоваться, согревая друг друга. Тем не менее Майкл был голоден, поэтому решил заказать сэндвичей в номер.

В фойе отеля он отправил Кей к газетной стойке.

– Сходи за газетой, а я пока возьму ключ.

Пришлось отстоять небольшую очередь; хоть война закончилась, персонала в отеле не хватало. Забрав ключ, Майкл стал нетерпеливо озираться в поисках Кей. Та по-прежнему стояла у стойки, слепо глядя на развернутую газету. Когда он подошел, Кей подняла глаза. В них стояли слезы.

– Майки... Господи, Майки... – только и смогла она выдать из себя.

Майкл забрал у нее газету. В глаза сразу же бросилась фотография: его отец лежит на проезжей части, вокруг головы – лужа крови. Рядом на бордюре, обхватив голову руками, сидит мужчина – его брат Фредди. У Майкла внутри все похолодело – не от горя или страха, а от злости.

– Пойдем в номер, – сказал он Кей, но та не сдвинулась с места.

Пришлось брать ее за руку и вести в лифт. Поднимались молча. В номере Майкл сел на кровать и снова раскрыл газету. Заголовок гласил: «ПОКУШЕНИЕ НА ВИТО КОРЛЕОНЕ. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ БОСС ПРЕСТУПНОГО МИРА СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН. БОЛЬНИЦА ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ ПОЛИЦИИ. ЖДЕТ ЛИ НАС КРОВАВАЯ БАНДИТСКАЯ БОЙНЯ?»

Ноги у Майкла стали ватными.

– Отец жив, – произнес он, обращаясь к Кей. – Те твари не убили его.

Он перечитал статью. Покушение произошло в пять вечера. То есть пока он занимался любовью с Кей, ужинал и смотрел мюзикл, его отец был при смерти. От чувства вины к горлу подступила тошнота.

– Нам, наверное, нужно поехать в больницу? – спросила Кей.

Майкл мотнул головой.

– Сначала позвоню домой. Те, кто решился на такое, совсем психи, а раз отец выжил, то вообще слетят с катушек. Кто знает, что они устроят дальше?

Оба телефона в доме на Лонг-Бич были заняты, но через двадцать минут Майкл все-таки дозвонился.

– Алле? – послышался в трубке голос Санни.

– Санни, это я, – сказал Майкл.

– Хвала Иисусу, братишка, – с облегчением произнес Санни. – Где тебя носит? Мы все переволновались. Я даже отправил людей в твоё захолустье.

– Как отец? Насколько всё серьёзно?

– Очень. В него выстрелили пять раз, однако он крепкий орешек. – В голосе старшего брата слышалась гордость. – Врачи сказали, он выкарабкается... Слушай, малыш, не могу сейчас говорить, много дел. Ты где?

– В Нью-Йорке. Том разве не сказал, что я заеду?

– Тома похитили, – слегка понизив голос, произнес Санни. – Вот почему я перепугался за тебя. Его жена здесь. Она не в курсе, что с ним; легавые тоже. Пусть так и остаётся. Эти ублюдки совсем рехнулись. В общем, быстро езжай к нам и никому ни слова. Понял?

– Понял. Знаешь, кто это устроил?

– Ещё бы. Как только объявится Лука Брази, от них и мокрого места не останется. Все козыри пока у нас на руках.

– Буду через час. Возьму такси.

Майкл повесил трубку. Газеты появились на прилавках

часа три назад. По радио тоже наверняка сообщили. Просто невероятно, чтобы Лука не узнал. Майкл крепко задумался. Где же Лука Брази? Тот же вопрос задавал себе в эту минуту Том Хейген. Тот же вопрос беспокоил Санни Корлеоне в особняке на Лонг-Бич.

* * *

Без четверти пять дон Корлеоне закончил проверять отчеты по импорту оливкового масла, подготовленные управляющим, и, надев пиджак, постучал Фредди по макушке, чтобы тот отвлекся от вечерней газеты.

– Пусть Гатто пригонит машину со стоянки. Через несколько минут поедем домой.

Фредди со вздохом отложил газету.

– Я пригоню. Поли позвонил утром, отпросился. Опять простуда.

– Уже третий раз за месяц, – задумчиво произнес дон Корлеоне. – Подыскал бы ты на эту работу кого-нибудь поздоровее. Скажи Тому.

– Поли – честный малый. Заболел – значит заболел, – возразил Фредо. – А мне покрутить баранку нетрудно.

Он вышел из офиса, пересек Девятую авеню и пошел к стоянке. Дон позвонил Хейгену – никто не ответил. Позвонил домой на Лонг-Бич – там тоже никто не взял трубку. Он раздраженно выглянул в окно. Машина стояла у обочины

перед входом. Фредди, скрестив руки, опирался на крыло и рассматривал прохожих, нагруженных рождественскими подарками. Управляющий помог дону надеть пальто. Тот буркнул «спасибо», вышел и спустился по лестнице на улицу.

Наступила зима, и темнело уже рано. Фредди терпеливо ждал у мощного «Бьюика». Увидев отца, он открыл водительскую дверь и сел за руль. Дон Корлеоне сделал было шаг к пассажирской двери, однако передумал и вернулся к длинному прилавку с фруктами на углу. В последнее время он полюбил дорогие фрукты не по сезону – яркие, сочные персики и блестящие боками апельсины, разложенные в зеленых ящиках. Продавец услужливо подскочил. Выбирая фрукты, дон Корлеоне не трогал их, а лишь указывал пальцем. Только один раз продавец возразил и показал, что у выбранного плода обратная сторона подгнила. Взяв бумажный пакет с покупками в одну руку, дон расплатился пятидолларовой купюрой, получил сдачу и развернулся к машине. Тут из-за угла вышли двое. Дон Корлеоне сразу же понял, что сейчас произойдет.

Эти двое были в черных пальто и черных же широкополых шляпах, низко надвинутых, чтобы возможные свидетели не разглядели лиц. Но убийцы не ожидали, что дон Корлеоне среагирует так быстро. Он бросил пакет и с неожиданным для человека его комплекции проворством кинулся к машине, крича «Фредо, Фредо!» Только тогда убийцы достали оружие и открыли пальбу.

Первая пуля угодила дону Корлеоне в спину, словно кувалдой приложили, но он продолжал двигаться к машине. Следующие два выстрела попали ниже пояса; ноги у донна подкосились, и он распластался посреди проезжей части. Стрелки, осторожно переступая рассыпавшиеся фрукты, стали приближаться, чтобы его добить. Наконец – не прошло и пяти секунд – из машины вылез Фредерико Корлеоне. Убийцы наспех выстрелили еще дважды в лежащего у ливне-стока донна. Одна пуля попала ему в руку, вторая – в правую икру. Опасности для жизни эти ранения не представляли, но вызвали обильное кровотечение, и вокруг тела начали растекаться красные лужицы. К этому моменту дон Корлеоне потерял сознание.

Фредди услышал окрик отца – свое детское имя, – и следом два громких хлопка. Из машины он выскочил в шоке, однако оружия так и не достал. Убийцы запросто могли прикончить и его, но замешкались. Они наверняка знали, что сын будет вооружен, да и вообще затянули с работой. Скрывшись за углом, они оставили Фредди одного рядом с истекающим кровью отцом. Толпа прохожих разбежалась по подъездам и подворотням; некоторые кинулись на землю, другие сбились в небольшие группки, прижимаясь друг к другу.

Фредди будто окаменел. Он смотрел на отца, лежащего ничком на асфальте в густой черной луже. Тело не слушалось. Люди понемногу высовывались и кто-то, завидев, что Фредди заваливается, усадил его на бордюр. Вокруг донна со-

бралась толпа, но с визгом сирен и прибытием первой полицейской машины тут же рассеялась. Сразу за полицией прибыла передвижная радиостанция «Дейли ньюс». Не успел фургон остановиться, как оттуда выскочил фотограф и стал делать снимки истекающего кровью дона Корлеоне. Еще через какое-то время прибыла «скорая». Фотограф навел свой аппарат на Фредди Корлеоне, который теперь неприкрыто рыдал. Купидонье лицо с мощным носом и крупным ртом было все в слезах и соплях – картина по-своему забавная. Детективы опрашивали свидетелей покушения, а машины всё подъезжали. Один следователь присел рядом с Фредди, чтобы задать несколько вопросов, но тот от шока не мог ответить. Следователь сунул руку под пальто Фредди и достал оттуда бумажник. Посмотрев на удостоверение личности, он свистнул напарнику. Группа полицейских в штатском живо обступила Фредди, отделяя его от зевак. Следователь нащупал в подплечной кобуре у Фредди пистолет и забрал его. Среднего сына Вито Корлеоне подняли на ноги и затолкали в машину без опознавательных знаков. Радийный фургон «Дейли ньюс» двинулся следом. А фотограф тем временем продолжал щелкать все и всех.

* * *

За полчаса, что прошли с момента покушения, Санни Корлеоне друг за другом позвонили пять человек. Первым

был Джон Филиппс, купленный Семейей детектив полиции, который приехал на место преступления в головной машине.

– Узнаешь кто? – произнес он вместо приветствия.

– Да, – ответил Санни полусонно. Жена позвала его к телефону, разбудив от послеобеденного сна.

Филиппс сразу перешел к делу:

– Кто-то подстрелил твоего отца, прямо у офиса. Пятнадцать минут назад. Он серьезно ранен. Его отвезли во Французскую больницу. Твоего брата Фредди забрали в полицейский участок Челси. Когда выпустят, найди ему врача. Я сам поеду в больницу помочь допросить старика. Если он в состоянии говорить, конечно. Буду держать в курсе.

Сандра, жена Санни, сидевшая за столом напротив, заметила, как лицо мужа налилось кровью, а глаза остекленели.

– Что такое? – прошептала она.

Санни резко отмахнулся – заткнись, мол, – потом повернулся к ней спиной и произнес в трубку:

– Он точно жив?

– Точно, – ответил детектив. – Хотя крови потерял много.

– Спасибо, – произнес Санни. – Завтра в восемь утра будьте дома и ждите заслуженный подарок.

Санни прижал телефон к груди и заставил себя успокоиться. Он знал, что горячность – его главная слабость, а в этой ситуации она могла привести к непоправимым последствиям. Первым делом нужно позвонить Тому Хейгену. Однако не успел Санни снять трубку, как телефон зазвонил снова.

На этот раз на проводе был букмекер, с разрешения Семьи работавший рядом с офисом дона. Букмекер спешил сообщить, что дона Корлеоне застрелили посреди улицы. Задав несколько вопросов и убедившись, что ни сам букмекер, ни тот, кто его известил, рядом с телом не были, Санни решил этой информации не доверять. Сведения Филиппса наверняка точнее. Почти сразу же телефон зазвонил в третий раз – это был репортер из «Дейли ньюс». Не успел он представиться, как Санни Корлеоне повесил трубку.

Он набрал дом Хейгена; трубку взяла жена.

– Том уже дома?

– Нет, будет только минут через двадцать, к ужину.

– Пусть перезвонит мне, – сказал Санни.

Он попытался привести мысли в порядок, представить, как в подобной ситуации повел бы себя отец. Санни сразу понял, что покушение организовал Солоццо; однако он не посмел бы поднять руку на самого дона, если б за ним не стояли могущественные люди...

Ход мысли перебил четвертый звонок.

– Сантино Корлеоне? – послышался в трубке очень мягкий и вкрадчивый голос.

– Слушаю, – ответил Санни.

– Том Хейген у нас. Часа через три мы отпустим его с нашим предложением. Не предпринимай поспешных действий, не выслушав его. Так ты только создашь еще больше проблем. Что сделано, то сделано. Теперь всем нужно успо-

коиться. Не выходи из себя; мы наслышаны, каков ты в гневе.

В голосе слышалась легкая насмешка. Санни как будто узнал Солоццо, но не был уверен.

– Хорошо, я подожду. – Он постарался, чтобы его голос звучал глухо и подавленно.

Раздался щелчок. Взглянув на свои тяжелые золотые часы, Санни записал на скатерти точное время звонка.

С хмурым лицом он сел за стол.

– Что случилось? – спросила жена.

– В отца стреляли, – спокойно ответил Санни. Увидев на лице Сандры испуг, он отрывисто бросил: – Не бойся. Жив. Больше ничего не случится.

Про Хейгена он ничего говорить не стал. И тут телефон зазвонил в пятый раз.

– Слышал про отца? – шумно отдуваясь, пропыхтел в трубку Клеменца.

– Да, – ответил Санни. – Но он жив.

Повисло молчание, а потом Клеменца затараторил:

– Слава богу, слава богу!.. Ты уверен? – добавил он с тревогой. – Я слышал, что его бросили умирать на улице.

– Жив, – повторил Санни.

Он внимательно вслушивался в голос Клеменцы, стараясь уловить тончайшие нотки. Тревога казалась искренней, однако толстяку по должности полагалось быть хорошим лицедеем.

– Решения пока придется принимать тебе, Санни, – сказал

Клеменца. – Что мне делать?

– Приезжай в отцовский дом, – сказал Санни. – И возьми с собой Поли Гатто.

– Это все? – уточнил Клеменца. – Не хочешь, чтобы я отправил ребят в больницу и к тебе?

– Нет, мне нужны только ты и Поли.

Повисло молчание. Клеменца все понял, но Санни на всякий случай спросил:

– А где он вообще был? Почему ничего не сделал?

Пыхтение на том конце провода прекратилось.

– Поли сказался больным и остался дома... – настороженно произнес Клеменца. – Ему всю зиму нездоровится.

– Сколько раз он брал отгулы за эти пару месяцев? – мгновенно напрягшись, уточнил Санни.

– Раза три-четыре, – ответил Клеменца. – Я много раз предлагал Фредди кого-то на замену, но он отказывался. Да и зачем? Сам знаешь, последние лет десять было тихо.

– Ну да... – отозвался Санни. – Ладно, встретимся в отцовском доме. И обязательно привези Поли, в любом виде. Даже если он совсем больной. Понял?

И не дожидаясь ответа, бросил трубку.

Сандра тихо всхлипывала. Санни посмотрел на нее и резко бросил:

– Если позвонят наши, пусть набирают в отцовский дом по особому номеру. Если позвонит кто-то еще, ты ничего не знаешь. Если будет спрашивать жена Тома, скажи, что он

задерживается. У него дела.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– С тобой побудут двое наших. – Сандра испуганно расширила глаза, и Санни нетерпеливо добавил: – Ничего не бойся, просто посидят. Делай все, что они скажут. Нужно будет поговорить со мной – звони по папиному номеру, но только если что-то важное. И не волнуйся.

Он оделся и вышел.

Уже стемнело, в тупике на Лонг-Бич завывал декабрьский ветер. Санни не боялся выходить в ночь. Все восемь домов принадлежали дону Корлеоне. Два дома у выходной арки снимали верные друзья Семьи с родней и лучшие жильцы – одинокие мужчины, селившиеся на цокольных этажах. Шесть оставшихся домов полукругом замыкали тупик: в одном жил Том Хейген с семьей, затем шел дом Санни, а в самом маленьком и скромном обитал сам дон. Еще три были на безвозмездной основе сданы престарелым друзьям дону, но с условием, что при первой же просьбе жилье придется освободить. Ничем не примечательный тупик на поверку оказывался неприступной крепостью.

На всех восьми домах стояли прожектора, и проскользнуть по территории незамеченным было невозможно. Санни зашел в дом к отцу и открыл дверь своим ключом.

– Мам, ты здесь? – крикнул он.

Мать вышла из кухни, откуда доносился запах жареных перцев. Прежде чем она спросила, что произошло, Санни

взял мать за руку и усадил.

– Мне только что позвонили, ты только не волнуйся, – сказал он. – Папа в больнице, его ранили. Оденься и будь готова выйти. Я скоро пришлю за тобой машину с водителем. Хорошо?

Мать пристально посмотрела на сына, а потом спросила по-итальянски:

– В него стреляли?

Санни кивнул. Мать тяжело вздохнула и ушла обратно на кухню, Санни за ней. Мать выключила газ под сковородой, затем поднялась в спальню. Санни взял кусок хлеба из корзинки на столе и, пачкая пальцы горячим оливковым маслом, положил сверху несколько перцев. Потом вышел в просторную угловую комнату, которая служила отцу кабинетом и из закрытого шкафчика достал телефонный аппарат, который специально провели сюда по подложному имени и адресу. Первым делом Санни набрал Луку Брази. Ответа не было. Следующим он позвонил резервному командиру боевого крыла – капореджиме Тессио из Бруклина, чья верность доныне не подвергалась сомнению. Санни рассказал, что случилось, и приказал отобрать полсотни самых надежных людей – часть выставить охранять больницу, а часть отправить на Лонг-Бич.

– Что, Клеменцу тоже?.. – спросил Тессио.

– Нет, я пока не хочу обращаться к его людям, – ответил Санни.

Тессио все понял с полуслова.

– Прости, Санни, но скажу, как сказал бы твой отец. Не руби сплеча. Я не верю, что Клеменца – предатель.

– Я и сам в это не верю, – сказал Санни, – но осторожность не повредит, верно?

– Верно, – согласился Тессио.

– И еще кое-что. Мой братишка Майки учится в Хановере, Нью-Гемпшир. Подряди наших знакомых в Бостоне, чтобы нашли его и привезли сюда. Пускай побудет с нами, пока все не уляжется. Я позвоню ему, предупрежу. Береженого Бог бережет, как говорится.

– Понял, – сказал Тессио. – Как только со всем разберусь, приеду в дом дона. Хорошо? Ты ведь знаешь моих парней?

– Знаю, – ответил Санни и повесил трубку.

Из небольшого стенного сейфа он достал алфавитную записную книжку в голубом кожаном переплете и, раскрыв ее на букве «Т», стал листать. Наконец дошел до нужной записи: «Рэй Фаррелл, \$5000, сочельник» – и набрал телефонный номер.

– Алло, Фаррелл?

– Слушаю, – отозвались на том конце.

– Говорит Сантино Корлеоне. Я хочу, чтобы вы оказали мне одну услугу, немедленно. Пожалуйста, проверьте два номера и узнайте, кто звонил на них и куда с них звонили за последние три месяца. – Санни продиктовал домашние телефоны Поли Гатто и Клеменцы и добавил: – Это важно. Успе-

ете до полуночи – и ваше Рождество будет еще счастливее.

Прежде чем обдумать дальнейшие действия, он еще раз набрал Луку Брази. И опять тщетно. Это начинало беспокоить, но пока терпело. Услышав новости, Лука немедленно явится сам.

Санни опустил в кресло. Через час дом наводнят люди Семьи, и ему придется отдавать приказы. Только теперь он в полной мере осознал, насколько все серьезно. Впервые за десять лет могуществу Корлеоне бросили вызов. Нет сомнений, за покушением стоит Солоццо. Однако он ни за что не осмелился бы на такой удар, если б не поддержка как минимум одной из пяти нью-йоркских Семей. Какой? Татталья, конечно же, больше никому. А значит, Корлеоне ждет либо полномасштабная война, либо капитуляция на условиях Солоццо.

Санни мрачно усмехнулся. Турок все хорошо спланировал, но ему не повезло: старик остался жив. Стало быть, все-таки война, у которой, если учесть все ресурсы Корлеоне, мог быть лишь один исход. Тем не менее один вопрос не давал покоя: где же Лука Брази?

Глава 3

Считая водителя, в машине с Хейгеном сидели четверо. Том был на заднем кресле, между теми двоими, что подошли к нему на улице; Солоццо – спереди, рядом с водителем. Громила справа надвинул Хейгену шляпу на глаза, чтобы тот не видел, куда его везут, и предупредил:

– Попробуй только пальцем шевельнуть!

Ехали недолго, минут двадцать, но за это время успело стемнеть. Выйдя из машины, Хейген не понял, где оказался. Его завели в квартиру на цокольном этаже и усадили на кухонный стул с прямой спинкой. Солоццо сел за стол напротив. Выражением лица он напоминал хищника.

– Тебе нечего бояться, – сказал Турок. – Я знаю, ты не из силового крыла Семьи. Твоя задача – помочь Корлеоне и помочь мне.

Дрожащими пальцами Хейген сунул в рот сигарету. Один из людей Солоццо поставил на стол бутылку виски и плеснул немного в фарфоровую кофейную чашку. Хейген с благодарностью выпил. Алкоголь обжег горло, зато унял дрожь в руках и слабость в ногах.

– Твой босс мертв, – сообщил Солоццо и удивленно замолчал, увидев на глазах Хейгена слезы. – Мы кончили его на улице, прямо у офиса. Как только мне сообщили, что дело сделано, я поехал за тобой. Помоги мне заключить мир

с Санни.

Том ничего не сказал. Он и сам удивился своему горю. А к чувству опустошения еще примешивался страх смерти.

– Санни ведь был на моей стороне, так? – вновь заговорил Солоццо. – Да и ты знаешь, что мое предложение выгодное. За наркотиками будущее. В этом бизнесе столько денег, что можно обогатиться за пару лет. Дон был старым «усатым Питом»¹³. Его время прошло, только он этого не понял. Что ж, теперь он мертв, его не вернуть. Я готов выдвинуть новые условия и хочу, чтобы ты уговорил Санни их принять.

– Ничего не выйдет, – произнес Хейген. – Санни сделает все, чтобы тебе отомстить.

– Да-да, таким будет его первый порыв, – нетерпеливо перебил Солоццо. – Тебе придется вразумить парня. За мной стоит семья Татталья со всеми ее людьми. Другие Семьи во что бы то ни стало захотят предотвратить полномасштабную войну, которая повредит всем. Если Санни пойдет на мировую, то ни одна Семья в стране, даже старейшие друзья дона, не вмешается.

Хейген молча смотрел на свои ладони.

– Дон стал сдавать, – вкрадчиво продолжал Солоццо. – Разве раньше я смог бы подобраться к нему? Он утратил доверие других Семей, когда сделал тебя консильери, – ведь

¹³ Так молодые мафиози презрительно называют донов старой закалки, отказывающихся идти в ногу со временем и придерживающихся сицилийской морали и традиций.

ты не то что не сицилиец, даже не итальянец. Если дойдет до войны, от Корлеоне ничего не останется. Проиграют все, включая меня. Пойми, мне нужны не столько деньги, сколько политические связи. Утихомирь Санни, поговори с капо-реджиме. Кровопролития можно избежать.

Хейген пододвинул чашку, чтобы ему плеснули еще виски.

– Ничего не обещаю, – произнес он. – Санни горяч и упрям. И даже ему не под силу удержать Луку Брази. Вот кого тебе нужно бояться. Да он меня первым убьет, если узнает, что я принял твои условия.

– О Луке я позабочусь, – бросил Солоццо. – А ты возьми на себя Санни и его братьев. Скажи, что Фредди мог бы сегодня погибнуть вместе со стариком, но я строго-настро-го запретил своим людям его трогать. Зачем лишние поводы для мести? Фредди жив только благодаря мне, так и передай.

В голове у Хейгена наконец прояснилось. Он убедился, что Солоццо не планирует его убивать или держать в заложниках. На смену облегчению, однако, тут же пришел стыд. Солоццо смотрел на Тома со спокойной понимающей улыбкой. Хейген принялся размышлять. Если он не выполнит требование Солоццо, его убьют. С другой стороны, его дело только передать условия сделки, четко и беспристрастно, как положено ответственному консильери. И если задуматься, Турок прав: войны между Татталья и Корлеоне необходимо избежать любой ценой. Пусть Корлеоне похоронят по-

гибших и, закрыв глаза на обиду, примут сделку. А потом, когда наступит удачный момент, отомстят.

Но подняв глаза на Солоццо, Хейген понял, что тот прочел все его мысли и теперь не скрывал улыбки. В голове у Тома вдруг щелкнуло: почему это Турок так спокоен? Что с Лукой Брази? Его купили? Вечером того дня, когда дон Корлеоне отказал Солоццо, Луке было велено прийти к нему в кабинет для частного разговора... Впрочем, сейчас есть заботы поважнее. Нужно вернуться в крепость Корлеоне на Лонг-Бич, там безопасно.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещал Том. – Ты прав, даже дон хотел бы того же.

Солоццо серьезно кивнул.

– Договорились. Мне не нужна кровь. Я коммерсант, а кровь стоит слишком дорого.

Тут зазвонил телефон, и человек позади Хейгена снял трубку. Выслушав звонившего, он коротко бросил: «Хорошо, передам», подошел к Солоццо и что-то прошептал тому на ухо. Турок побледнел, его глаза гневно вспыхнули. Хейген почувствовал прилив страха. Солоццо задумчиво смотрел на Тома, и тот понял: что-то случилось, теперь его не выпустят.

– Старик жив, – проговорил Солоццо. – Пять пуль, а сицилиец жив... – Он обреченно покачал головой. – Что ж, не повезло. Мне не повезло. Тебе тоже.

Глава 4

Узкий подъезд к особняку на Лонг-Бич был перегорожен цепью. Внутренний двор ярко освещали прожектора на всех восьми домах. Вдоль извивающейся бетонированной дорожки стояло не менее десятка машин.

Возле цепи Майкла Корлеоне встретили двое незнакомых мужчин.

– Ты кто? – спросил один с отчетливым бруклинским акцентом.

Майкл представился. Из ближайшего дома вышел еще один человек и взгляделся ему в лицо.

– Да, это сын дона, – подтвердил он. – Я провожу.

Майкл пошел за ним к отцовскому дому. Дверь открыли еще двое незнакомцев.

Внутри тоже было полно чужих, и только в гостиной появились знакомые лица. На диване, напряженно выпрямив спину, сидела и курила Тереза, жена Тома Хейгена. На журнальном столике перед ней стоял стакан виски. На другом конце дивана развалился Клеменца. Лицо капореджиме ничего не выражало, но лоб его блестел от пота, а черная сигара – от слюны.

Клеменца встал и сочувственно потряс Майклу руку, тихо сказав:

– Выкарабкается. Твоя мать сейчас с ним в больнице.

Подошел пожать руку и Поли Гатто. Майкл посмотрел на него с недоумением: Поли ведь был личным отцовским телохранителем (того, что сегодня он сказался больным, Майкл не знал). На его худощавом смуглом лице читалась тревога. Гатто имел репутацию перспективного и сообразительного человека, умеющего без сучка и задоринки решать деликатные вопросы, однако сегодня он со своей работой не справился. По углам сидели еще люди, их Майкл не узнавал, – явно не подчиненные Клеменцы. Увязав одно с другим, Майкл понял: Клеменца и Гатто под подозрением. Думая, что Поли присутствовал при покушении, Майкл спросил:

– Как Фредди? В порядке?

– Врач сделал ему укол, – отозвался Клеменца. – Он спит.

Майкл подошел к жене Хейгена и поцеловал ее в щеку. Они были в добрых отношениях.

– Не бойся, с Томом все будет хорошо, – прошептал Майкл. – Санни тебе уже что-нибудь говорил?

Тереза прижалась к Майклу, потом мотнула головой. Хрупкая и очень миловидная, она больше походила на американку, чем на итальянку. И она была очень напугана. Майкл взял ее за руку и, подняв с дивана, провел в угловой отцовский кабинет.

Санни развалился в кресле за рабочим столом. В одной руке он держал желтый линованный блокнот, в другой – карандаш. Кроме него в кабинете был только капореджиме по имени Тессио. Майкл сразу же понял: именно его «гвардей-

цы» сейчас охраняют особняк. У Тессио в руках тоже были карандаш с блокнотом.

Увидев вошедших, Санни вскочил и крепко обнял жену Хейгена.

– Тереза, не волнуйся, с Томом всё в порядке. Ему передадут условия и отпустят. Он просто юрист, напрямую с бизнесом не связан. Никто не причинит ему вреда.

Следом он неожиданно обнял и поцеловал в щеку Майкла.

– Ну ты даешь, – усмехнулся младший брат, отстраняясь. – Раньше мутузил, а теперь вот это?

В детстве они часто дрались.

Санни пожал плечами.

– Мы не смогли тебя разыскать в твоём захолустье, вот я и встревожился, братишка. Ладно бы тебя пришили, но представь, каково сообщать об этом матери. Хватит того, что пришлось сказать ей про папу.

– И как она отреагировала? – спросил Майкл.

– Нормально. Она уже через такое проходила. Я тоже. Ты был ещё слишком мал и не помнишь. А потом все наладилось. – Помолчав, Санни добавил: – Мать сейчас в больнице с отцом. Он выкарабкается.

– Может, нам тоже съездить к нему? – спросил Майкл.

Санни помотал головой.

– Пока все не уляжется, я из дома ни ногой.

Зазвонил телефон, Санни схватил трубку и стал внима-

тельно слушать. Майкл тем временем подошел к столу и заглянул в его блокнот. Там были записаны семь имен, первые три: Солоццо, Филипп Татталья и Джон Татталья. До Майкла дошло, что они с Терезой прервали составление списка приговоренных.

Санни повесил трубку.

– Можете выйти ненадолго? – обратился он к Терезе Хейген и Майклу. – Нам с Тессио нужно закончить одно дело.

– Звонили по поводу Тома? – с нажимом, несмотря на лившиеся от страха слезы, спросила Тереза.

Санни приобнял ее за плечи и отвел к двери.

– С ним все будет хорошо, клянусь. Подожди в гостиной. Как только что-то узнаю, сразу сообщу.

Тереза вышла. Санни закрыл за ней дверь, а Майкл сел в свободное кожаное кресло. Санни метнул на него резкий взгляд и вернулся за стол.

– Будешь тут торчать, Майки, – наслушаешься вещей, которые тебе неприятны.

Майкл закурил сигарету.

– Я могу помочь.

– Нет, не можешь, – возразил Санни. – Старик мне ни за что не простит, если я тебя впутаяю.

– Эй ты, болван, он и мой отец! – рывкнул Майкл, поднимаясь. – Почему это я не могу помочь? Не обязательно ведь кого-то убивать! И вообще, перестань возиться со мной как с ребенком. Я воевал, был ранен, помнишь? И япошек убивал.

Или ты думаешь, я в обморок упаду, услышав, что кого-то хотят прикончить?

Санни усмехнулся, сверкнув зубами:

– Ну-ну, так и до кулаков дойдет!.. Ладно, оставайся, будешь сидеть на телефоне. – Он обратился к Тессио: – Мне сейчас сообщили весьма ценные сведения. Старика сдали, это понятно. Но кто? Либо Клеменца, либо Поли Гатто, который очень вовремя сказался больным. Я вот знаю, ну а ты, Майки? Покажи, чего стоит твоя учеба в колледже. Кто продался Солоццо?

Майкл вновь опустился в кожаное кресло и тщательно все взвесил. Клеменца занимает должность капореджиме. Одно из высших лиц в семейной иерархии. Дон сделал его миллионером, и они тесно дружат уже более двадцати лет. Какая ему выгода? Деньги? Ему и так хватает, хотя людей, случается, одолевает жадность. Власть? Или месть за надуманное оскорбление или неуважение? Может, за то, что консильери назначили Хейгена? Или обычный расчет: мол, преимущество за Солоццо?.. Нет, Клеменца предать не мог – просто потому, с грустью подумал Майкл, что он сам не хотел бы, чтобы Клеменцу убили. Толстяк всегда приносил ему подарки и водил гулять, когда отец бывал слишком занят. Нет, он не в силах поверить, будто Клеменца виновен в измене.

С другой стороны, если бы Солоццо хотел кого-то подкупить, то непременно Клеменцу.

А что Поли Гатто? Он пока еще не разбогател. Да, он на

хорошем счету и точно достиг бы больших высот в Семье, но со временем, как и остальные. Возможно, юношеское тщеславие затмило ему разум, как часто бывает. Значит, Поли, больше некому... Но тут Майкл вспомнил, что они с Поли вместе учились в шестом классе – и тоже не хотел бы, чтобы Поли оказался предателем.

– Никто из них, – произнес он, покачав головой.

Санни ведь и так знает ответ. Будь вопрос на голосовании, Майкл, конечно, выбрал бы Поли.

– Не бойся, Клеменца чист, – сказал старший брат с улыбкой. – Это Поли.

На лице Тессио читалось облегчение. Конечно, ведь он переживал за коллегу-капореджиме. Ну и раз предательство не зашло так высоко, значит, положение еще не столь серьезно.

– То есть завтра я могу отпустить своих людей? – осторожно поинтересовался он.

– Послезавтра, – ответил Санни. – А пока что я не хочу, чтобы об этом кто-то узнал. Слушай, мне с братом нужно обсудить кое-какие семейные дела, с глазу на глаз. Обождешь пока в гостиной? А список добьем позже. Вы с Клеменцей вместе над ним поработаете.

– Понял. – Кивнув, Тессио вышел.

– С чего ты так уверен, что это Поли? – спросил Майкл.

– У нас есть люди в телефонной компании. Они пробили все звонки на телефон Поли и Клеменцы. В те три дня, что Поли отпрашивался по болезни, ему звонили из будки

напротив отцовского офиса. Сегодня тоже. Наверное, проверяли, кто охраняет старика – он или кто-то еще. Ну или в таком духе, не важно. – Санни махнул рукой. – В общем, слава богу, что это Поли. Без Клеменцы нам пришлось бы туго.

– Значит, будет война? – настороженно спросил Майкл.

Взгляд Санни был жестким.

– Именно это я и устрою, когда вернется Том. Пока старик не придет в себя и не сможет принимать решения сам.

– А почему ты не хочешь дождаться, пока он придет в себя?

Санни вскинул бровь.

– Ты как вообще медали свои заслужил? На нас напали, мы должны дать отпор. Я только боюсь, что они не отпустят Тома.

– Почему? – удивился Майкл.

– Его похитили, – терпеливо объяснил Санни, – так как решили, что старику конец, а со мной можно договориться. Том должен был передать мне условия. Теперь, когда выяснилось, что отец жив, стало ясно, что сделки не будет, а значит, и Том им ни к чему. Его могут отпустить, а могут и нет – это как у Солоццо будет настроение. Если его убьют, значит, хотят нас запугать, показать, что готовы на все.

– А с чего Солоццо взял, будто с тобой можно договориться?

Санни залился краской, но ответил, хоть и не сразу:

– Несколько месяцев назад была встреча. Солоццо пред-

ложил нам вписаться в наркобизнес. Старик отказал. И тогда я брякнул, что сам как будто «за». Знаю, так поступать категорически нельзя. Если отец чему-то меня и научил, так это никогда не выставлять внутрисемейные разногласия напоказ. Видимо, Солоццо решил, что без старика никто не помешает мне поддержать его затею. Семья лишилась бы как минимум половины влияния, и мне пришлось бы хвататься за любую соломинку, чтобы удержаться на плаву. Наркотики – дело прибыльное, вот мы и вписались бы... В общем, ничего личного, только бизнес. А раз бизнес, мы нашли бы способ договориться. Конечно, он сделал бы все, чтобы я к нему не смог подобраться, – на всякий случай. А еще он знал, что, если я приму сделку, другие Семьи просто не дадут мне начать вендетту пару лет спустя. К тому же за ним стоит вся семья Татталья.

– А что бы ты сделал, если б отец все-таки погиб?

– Солоццо труп в любом случае, – без обиняков сказал Санни. – Не важно, чего это будет стоить. Пускай хоть все остальные из Пяти Семей¹⁴ выступят против нас. Пускай мы все поляжем, но от семьи Татталья и мокрого места не оста-

¹⁴ Так называют крупнейшие кланы итало-американской мафии в Соединенных Штатах. Этим Семьям «подчинен» Нью-Йорк, и они решают вопросы, касающиеся всего преступного мира. Корлеоне – одна из Пяти Семей, причем самая могущественная, наряду с Татталья, Барзини, Кунео и Страччи (реальными прототипами выступили до сих пор существующие, но сменившие названия Семьи: Маранцано – ныне Бонанно, Профачи – Коломбо, Мангани – Гамбино, Лучано – Дженовезе, Гальяно – Луккезе).

нется.

– Папа поступил бы иначе, – тихо произнес Майкл.

Санни стукнул кулаком по столу.

– Да, я не он! Но вот что я тебе скажу, и он подтвердит: когда доходит до дела, я умею решать вопросы не хуже остальных. Солоццо это знает, Клеменца с Тессио тоже. Я прошел боевое крещение еще в девятнадцать – на последней войне. Я тогда здорово помог отцу. И ничего не боюсь. В этом деле все козыри у нас. Жалко только, что я до сих пор не дозвонился до Луки.

– А он и правда так хорош, как о нем говорят? – полюбопытствовал Майкл.

Санни кивнул.

– Другого такого нет. Я натравлю его на верхушку Татталья. А Солоццо прикончу сам.

От этих слов Майклу стало неудобно. Да, Санни бывает несдержан, однако в душе он славный парень. С трудом верилось, что он способен на такие слова. Страшно было смотреть на список приговоренных к казни. Санни словно возомнил себя новопровозглашенным римским императором. Майкл был рад, что его не стали втягивать, что отец выжил и что не придется мстить. Отлично, он будет помогать, сидеть на телефоне, выполнять поручения, передавать приказы. Санни и отец со всем справятся, особенно раз у них есть Лука.

В этот момент из гостиной донесся женский вскрик. «О

господи, Тереза...» – пронеслось в голове у Майкла. Он ки-
нулся к двери. Все, кто был в гостиной, стояли, а у дивана
Том Хейген несколько смущенно обнимал рыдающую жену.
Майкл понял, что это был крик радости и облегчения. Тем
временем Том осторожно высвободился из объятий жены и
усади́л ее на диван.

– Рад тебя видеть, Майки. Правда рад, – улыбнулся он.
Правда, улыбка вышла мрачной.

И, не оглядываясь на жену, ушел в кабинет. Майкл испы-
тал странный прилив гордости: все-таки десять лет жизни в
доме Корлеоне не прошли для Тома даром. Что-то из отцов-
ских уроков в нем отложилось, как и в Санни. Как и, с удив-
лением осознал Майкл, в нем самом.

Глава 5

Время близилось к четырем часам утра. Санни, Майкл, Том, Клеменца и Тессио сидели в угловом кабинете. Терезу Хейген уговорили вернуться домой, а Поли Гатто все еще ожидал в гостиной, не подозревая, что людям Тессио велели не спускать с него глаз и не давать выйти из дома.

Том рассказал о своих злоключениях. По его словам, когда Солоццо узнал, что дон жив, то чуть не убил Хейгена.

– Если мне доведется выступать в Верховном суде, я не произнесу речи лучше, чем тогда, перед чертовым Турком, – он кисло усмехнулся. – Я пообещал уговорить Семью на сделку в обход дона. Сказал, что мы с тобой, Санни, приятели с детства и что я кручу тобой как хочу. И не злись, но я вскользь намекнул, будто ты не так уж и против занять место старика, прости Господи.

Он изобразил покаянную улыбку, но Санни отмахнулся – мол, ничего страшного, иного выхода не было.

Майкл сидел в кресле, держа под правой рукой телефон. Когда Хейген вошел в кабинет, Санни кинулся ему навстречу с объятиями. Майкл ощутил легкий укол зависти: родной брат на такое проявление чувств рассчитывать явно не мог.

– Ладно, теперь к делу, – сказал Санни. – Нам нужен план. Посмотрите на список, который составили мы с Тессио. Тес-

сио, дай свой экземпляр Клеменце.

– Если что-то планировать, – подал голос Майкл, – то здесь должен быть Фредди.

– От Фредди никакого толку, – мрачно буркнул Санни. – Врач говорит, он в шоке и его нельзя тревожить. Не понимаю. Фредди всегда был дюжим малым. Наверное, увидев старика в луже крови, он сломался. Он не такой, как мы с тобой, Майки. Для него дон вроде божества.

– Да, давайте обойдемся без Фредди, – быстро вставил Хейген. – А тебе, Санни, пока все не утихнет, лучше оставаться дома. То есть совсем не выходить. Здесь ты в безопасности. Не стоит недооценивать Солоццо, он серьезный человек, настоящий *pezzonovante*. Палата надежно защищена?

Санни кивнул.

– Легавые оцепили больницу, и мои люди постоянно дежурят. Что насчет списка, Том?

Хейген, наморщив лоб, пробежался по именам.

– Побойся бога, Санни, ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Даже дон посчитал бы это деловым недоумением. Твоя цель – Солоццо. Избавься от него, и все рассосется само. Не трогай Татталья.

Санни посмотрел на обоих капореджиге.

– Тут все сложно, – пожал плечами Тессио, а Клеменца вовсе промолчал.

– Ну ладно, хотя бы по одному вопросу сомнений нет, – сказал Санни. – Поли нам больше не нужен. Клеменца, это

твоя первая цель.

Толстый капореджиме кивнул.

– А что насчет Луки? – спросил Хейген. – Солоццо выглядел слишком спокойным. И это меня тревожит. Если Лука переметнулся, у нас большие проблемы... Кому-нибудь удалось с ним связаться?

– Нет, – произнес Санни. – Я ему всю ночь названиваю. Может, уснул у какой-нибудь девки?

– Он никогда не остается на ночь, – возразил Хейген. – Сделал дело – вернулся домой... Майки, продолжай звонить, пока он не ответит.

Майкл послушно набрал номер. Гудки шли, но никто не подходил.

– Звони каждые пятнадцать минут, – сказал Хейген.

– Хорошо, Том, раз ты у нас консьюери, может, дашь совет? – нетерпеливо вмешался Санни. – Как ты предлагаешь поступить?

Хейген налил себе виски.

– Будем вести переговоры с Солоццо, пока твой отец не поправится. Можем даже заключить сделку, если придется. Когда дон снова будет в состоянии отдавать приказы, он найдет способ спокойно все уладить, и остальные Семьи его поддержат.

– Думаешь, я не справлюсь с Солоццо?! – взорвался Санни.

Том Хейген посмотрел ему в глаза:

– Нет, Санни, ты, конечно, его одолеешь. У Семьи достаточно сил. Клеменца с Тессио могут поставить под ружье тысячу бойцов. Но война посеет хаос на всем Восточном побережье, а виноваты в глазах остальных будут Корлеоне. Мы наживем кучу врагов. А твой отец всегда хотел мира.

Сперва Майклу показалось, что Санни услышал резон в словах Тома, однако брат вдруг выпалил:

– Ну а если старик все же умрет, что посоветуешь тогда, консьюльери?

– Знаю, ты не согласишься, – спокойно произнес Хейген, – но в этом случае мы будем вынуждены заняться наркотиками с Солоццо. Без политических и личных связей твоего отца семья Корлеоне потеряет половину влияния. Другие нью-йоркские Семьи встанут на сторону Таттальи и Солоццо, лишь бы избежать длительного конфликта. Если дон умрет, заключи сделку. А там посмотрим.

Санни аж побелел от гнева.

– Тебе-то легко говорить, это не твоего отца застрелили!

– Я люблю его не меньше тебя и Майки, а может, и больше, – с чувством проговорил Хейген. – Ты спрашивал моего профессионального мнения? Вот оно. Лично я придушил бы этих ублюдков.

– Господи, Том, я не это имел в виду, – пошел на попятную Санни.

Но он имел в виду именно это. Все же кровное родство есть кровное родство.

Пока все стыдливо молчали, Санни хмурил лоб. Наконец он вздохнул и размеренно произнес:

– Хорошо, будем выжидать, пока старик не скажет, как поступить. Но и ты, Том, тогда сиди дома. Нам нельзя рисковать. Майки, ты тоже будь осторожнее, хотя не думаю, чтобы Солоццо стал браться за родственников. Тогда все ополчатся против него. Тем не менее береженого Бог бережет. Тессио, пока дай своим отбой, пусть следят за ситуацией в городе. Клеменца, когда разберешься с Поли, отправь бойцов охранять особняк, а у больницы продолжают дежурить люди Тессио. Том, с утра сразу же приступай к переговорам с Солоццо и Татталья по телефону или через посыльных. Майки, ты возьмешь пару людей Клеменцы и поедешь на квартиру к Луке. Дождись его там либо узнай, куда он запропастился. Ему хватит ума пойти на Солоццо лично. Я все же не верю, что он пойдет против дона, чего бы Турок ему там ни наобещал.

– Пожалуй, не стоит так уж напрямую вмешивать Майки, – с сомнением произнес Хейген.

– Да, верно, – согласился Санни. – Отбой, Майки. Оставься тут на телефоне, это важнее.

Майкл ничего не сказал. Так его еще не унижали; да и Клеменца с Тессио смотрели нарочито бесстрастно – явно скрывали пренебрежение. Майкл снял трубку и набрал номер Луки Брази, а затем долго слушал гудки.

Глава 6

Той ночью Питер Клеменца спал плохо. Проснулся он рано и сам сделал себе завтрак: стакан граппы и толстый кусок генуэзской салями на ломте свежего итальянского хлеба, который ему по старинке доставляли из пекарни к двери. Затем выпил большую кружку горячего кофе с анисовым ликером. Ходя по дому в потертом халате и красных войлочных тапочках, Клеменца думал о предстоящем деле. Накануне Санни Корлеоне очень четко дал понять: от Поли Гатто надо избавиться как можно скорее. А именно – сегодня.

Задание Клеменцу не радовало, и вовсе не потому, что предатель был его протеже. Сантиментами капореджиме не страдал. Ну да, биография у Поли безупречная: родители – сицилийцы, рос в том же районе, что и дети Корлеоне, даже ходил в школу с одним из братьев. Каждую ступень внутрисемейной иерархии он преодолевал сам. Его проверяли, и им были довольны. А когда он прошел «боевое крещение», то получил хорошее жалованье от Семьи, долю ист-сайдского букмекерского бизнеса и оплачиваемое место в профсоюзе. Клеменца знал, что Поли Гатто промышляет ограблениями на стороне. Да, это против правил Семьи, зато говорит об инициативе и предприимчивости. Так хорошего скакуна ценят в том числе и за норы.

К тому же похождения Поли никогда не создавали про-

блем. Он все тщательно планировал, а исполнял чисто, без крови и жертв: три тысячи долларов в Швейном квартале Манхэттена, чуть меньше – с фарфоровой фабрики в бруклинских трущобах. В конце концов, парень молодой, карманные деньги пригодятся. Так было всегда. И кто мог подумать, что именно Поли Гатто окажется предателем?

Нет, Питера Клеменцу больше беспокоили административные вопросы. Расправа над предателем – процедура простая и отработанная. Другое дело, кем занять освободившееся место? На должность исполнителя кого попало не берут. Кандидат должен быть волевым и умным, а еще надежным, не из тех, кто заговорит, если попадетсЯ полиции. Сицилийская омерта должна быть для него второй натурой. Кроме того, какой заработок ждет новенького? Клеменца неоднократно заговаривал с доном о том, что нужно повышать жалованье людям, которые решают вопросы и первыми оказываются на передовой, а тот все отмахивался. Зарабатывай Поли больше, глядишь, и не поддался бы на искушение «Турка» Солоццо.

Наконец Клеменца сузил список до трех кандидатов. Первым шел парень, крышевавший лотереи для цветных в Гарлеме, – крупный и мускулистый, но при этом очень обаятельный, умеющий с кем надо находить общий язык, а кому надо – внушать ужас. Однако после получасовых раздумий Клеменца его вычеркнул. Этот человек слишком хорошо ладил с чернокожими, что говорило об определенных слабостях. К

тому же на текущем месте заменить его некем.

Вторым был трудолюбивый и верный работяга, выбивавший долги из неплательщиков у прикормленных Семей манхэттенских ростовщиков. Начинал он с того, что разносил выигрыши, и постепенно поднялся. Клеменца почти остановился на нем, но все же решил, что тот пока не готов на столь серьезное повышение.

В итоге его выбор пал на Рокко Лампоне. Тот недолго работал на Семей, однако успел сделать впечатляющую карьеру. До этого он воевал в Африке, в 1943 году был ранен и комиссован. Из-за недостатка молодой крови Клеменца взял его, несмотря на действительно тяжелое увечье: одну ногу Лампоне постоянно подволакивал. Клеменца подрядил его посредником между черным рынком в Швейном квартале и госслужащими, отвечающими за выдачу талонов на еду. Постепенно Лампоне поднялся и стал решать все вопросы по этому направлению. Клеменца особо отличал его за рассудительность и здравомыслие. Лампоне понимал, что в делах, где риск за баснословную прибыль – это крупный штраф либо шесть месяцев в каталажке, наседать не следует. А также понимал, что угрожать следует не в лоб, а исподволь. Его деятельность не привлекала внимания, что, собственно, и требовалось.

Клеменца почувствовал себя чутким руководителем, разрешившим сложный конфликт в трудовом коллективе. Да, он возьмет с собой Рокко Лампоне. Руководить будет само-

стоятельно – не только затем, чтобы посмотреть, как новичок справится с мокрухой, но и чтобы свести личные счета с Поли Гатто. В конце концов, Клеменца продвигал своего протеже в ущерб более верным и заслуженным людям, помог ему в «боевом крещении» и всячески поощрял. Поли, можно сказать, предал не только Семью, но и своего падроне, а за такое неуважение нужно платить.

Все остальное было устроено. Поли Гатто велели заехать за Клеменцей в три часа на своей машине, самой неброской. Тем временем Клеменца позвонил Рокко Лампоне и, не представляясь, просто сказал: «Приезжай ко мне, есть работа». Лампоне ответил: «Понял». Несмотря на ранний час, в его голосе не было ни следа сонливости или удивления. Добрый знак.

– Спешки нет, – добавил Клеменца. – Поешь спокойно. Главное, будь не позднее двух.

На том конце снова прозвучало короткое «понял», и Клеменца повесил трубку. Он уже сказал своим людям, чтобы те сменили бойцов Тессио в особняке Корлеоне. Проверять смысла не было; подчиненным Клеменца доверял и в рутинную работу не вмешивался.

Пока суд да дело, он решил помыть свой любимый «Кадиллак». Ездить на нем доставляло несказанное удовольствие, а салон был таким мягким и удобным, что в хорошую погоду Клеменца мог не идти домой, а целый час просидеть там. К тому же уход за машиной помогал ему думать. Точно

так же его отец на родине ухаживал за ослами.

Клеменца терпеть не мог холода, а потому работал в гараже с подогревом. Он еще раз прогнал в голове план. С Поли нужно держать ухо востро: у парня просто крысиное чутье на опасность. Узнав, что старик выжил, он, небось, все штаны обделал и теперь будет дергаться, словно осел, которого кусают под хвостом муравьи. Впрочем, Клеменца через такое уже проходил неоднократно. Во-первых, нужен предлог, чтобы взять с собой Рокко. Во-вторых, нужно придумать правдоподобное задание для них троих.

Хотя, строго говоря, это не обязательно. Поли Гатто можно было убрать и без всех этих выкрутасов. Его держат под замком, никуда не денется. Однако Клеменца был убежден, что все нужно сделать как должно, не полагаясь на случай. Никогда не знаешь, что может произойти, если дело касается жизни и смерти.

Намывая свой голубой «Кадиллак», Питер Клеменца тщательно подбирал слова и репетировал выражения лица. С Поли нужно вести себя строго, демонстрируя недовольство. Чуткого и недоверчивого Гатто это собьет с толку, а вот внезапное дружелюбие, напротив, насторожит. Злоба – это лишнее, конечно; хватит легкого раздражения. А зачем Лампоне? Это встревожит жертву сильнее всего, особенно потому, что Рокко будет сидеть сзади. Поли не захочет быть беззащитным водителем.

Клеменца яростно начищал металлический бок автомо-

бия. Да, будет непросто. Очень непросто. На мгновение он подумал было взять еще одного человека, но отказался от этой затеи. Логика проста: в будущем может возникнуть ситуация, когда один подельник, чтобы выкрутиться, захочет сдать другого. Если вас всего двое, то в суде будет твое слово против чужого, тогда как третий может принять чью-либо сторону... Нет, все следует сделать по инструкции.

Больше всего Клеменцу раздражало, что расправу велено сделать «публичной», то есть тело должны найти. Лично он предпочел бы избавиться от трупа. Для этого обычно использовали океан или болота в Нью-Джерси на участках, принадлежащих друзьям Семьи, хотя порой прибегали и к более изощренным методам. Но нет, убийство Поли Гатто должно стать наизиданием для возможных перебежчиков и показать врагам, что Корлеоне вовсе не расслабились и не поглупели. Пусть Солоццо понервничает, что его шпиона так быстро раскрыли; заодно будет восстановлен престиж Семьи, пошатнувшийся после покушения на дону.

«Кадиллак» сверкал как начищенное стальное яйцо, а решения проблемы так и не было... И тут Клеменцу осенило. Все очень просто и логично: они втроем с Поли и Рокко отправятся на секретное и важное задание. Якобы им поручено найти помещение, в котором можно обустроить «лежбище».

Когда война между Семьями переходит в особо ожесточенную фазу, противники устраивают тайные убежища, где бойцы могут ночевать на разбросанных по полу матрасах.

Это делается не для того, чтобы обезопасить родственников – женщин и маленьких детей. Нападать на них считалось недопустимым, ведь не исключалась возможность ответного удара. Нет, держать всех в одном тайном месте удобно потому, что так врагам и полиции, которая любит самовольно вмешиваться в боевые действия, труднее отследить перемещения.

Обычно такую задачу доверяют самому надежному капореджиме, поскольку квартира служит и штабом, и базой для вылазок. Клеменца уже не раз обустроивал «лежбища», а значит, вполне естественно, что его отправят и сейчас. А чтобы помочь с обстановкой, он возьмет с собой Гатто и Лампоне. Кроме того, поскольку Поли Гатто показал, что жаден до наживы, то наверняка сразу задумается, сколько может вытянуть из Солоццо за такие ценные сведения.

Рокко Лампоне прибыл с запасом, и Клеменца успел подробно изложить ему план. Лампоне внимательно выслушал инструкции, а затем очень уважительно поблагодарил за повышение и возможность услужить Семье. Клеменца окончательно убедился, что сделал верный выбор. Он похлопал Лампоне по плечу и сказал:

– После сегодняшнего получишь хорошую прибавку к жалованью. Только позже. Сам понимаешь, у Семьи сейчас есть дела куда важнее.

Лампоне кивком заверил, что потерпит и в обещанной награде не сомневается.

Клеменца подошел к сейфу и достал оттуда пистолет.

– Вот, держи. – Он протянул оружие Лампоне. – Полиция его не опознает. Просто оставь в машине с Поли. Затем бери семью, и езжайте отдохнуть во Флориду. Плати сам, все расходы я потом возмещу. Отдохни, поваляйся на пляже. Снимешь номер в нашем отеле в Майами-Бич, чтобы я мог тебя найти, когда понадобится.

В дверь кабинета постучала жена Клеменцы и сообщила, что приехал Поли Гатто. Клеменца вышел через гараж, Лампоне следом. Машина стояла перед калиткой. Устраиваясь в пассажирском сиденье, Клеменца буркнул приветствие и раздраженно бросил взгляд на часы, будто собирался позвонить Поли за опоздание.

Предатель внимательно наблюдал за Клеменцей. Увидев, что Лампоне садится прямо за его спиной, он слегка дернулся и сказал:

– Рокко, пересядь-ка на другую сторону. Ты большой, зеркало мне загромождаешь.

Лампоне без вопросов выполнил просьбу и передвинулся за Клеменцу.

– Санни совсем панику развел, так его растак, – проворчал Клеменца. – Требуется немедленно залечь на матрасы. Хочет, чтобы мы нашли местечко в Вест-Сайде. Поли, вам с Рокко нужно будет все подготовить к заселению бойцов. Есть что-нибудь на примете?

Как и ожидалось, в глазах Гатто вспыхнул жадный огонек.

Поли проглотил наживку и теперь думал не о своей шкуре, а о том, как бы повыгоднее продать информацию Солоццо. Лампоне тоже разыгрывал свою партию как по нотам, отрешенно и беспечно глядя в окно. Клеменца в очередной раз поздравил себя за удачный выбор.

– Подумать надо, – Гатто пожал плечами.

– Ну так води и думай, – буркнул Клеменца. – А то мы до завтра не доедем.

Поли был опытным водителем, да и во второй половине дня дороги не так запружены, поэтому до Нью-Йорка добрались, когда сумерки едва-едва начали сгущаться. По дороге молчали. Клеменца велел Поли ехать в район Вашингтон-Хайтс. Там он проверил несколько многоквартирных домов, потом сказал припарковаться у Артур-авеню и ждать. Оставив Поли и Рокко Лампоне в машине, пошел в ресторан «Вера Марио» через несколько кварталов, где легко отужинал телятиной с салатом и перекинулся парой слов со знакомыми. Спустя час он вернулся к машине и сел. Гатто с Лампоне ждали.

– Черт, теперь нас заворачивают на Лонг-Бич. Санни придумал какую-то другую работенку – мол, эта пока потерпит... – Клеменца не скрывал раздражения. – Рокко, ты городской. Тебя где посадить?

– Моя машина у вас, – буднично отозвался Рокко. – А жена хотела ее взять с утра.

– Ладно, тогда едешь с нами.

По пути на Лонг-Бич снова молчали. Когда они выехали на трассу, Клеменца вдруг сказал:

– Поли, притормози у обочины, мне надо отлить.

Такие остановки случались часто. Поли немало проработал с Клеменцей и знал, что у толстяка-капореджиме слабый мочевого пузырь. Он свернул с трассы на топкую почву возле болота. Клеменца выбрался из машины и отошел в кусты, где и правда оправился. Вернувшись, он быстро взглянул на дорогу: фонарей нет, других водителей тоже.

– Давай, – произнес Клеменца, и тут же в салоне грохнул пистолет.

Тело Поли Гатто будто выпрыгнуло из сиденья, но наткнулось на руль и обмякло. Клеменца резво отпрянул, чтобы кровь и мозги не попали на одежду.

Рокко Лампоне выбрался с заднего сиденья и швырнул пистолет в болото. Они с Клеменцей поспешили в припаркованную неподалеку пустую машину. Под водительским креслом Лампоне нашарил ключ, завел двигатель и отвез Клеменцу домой. В Нью-Йорк он вернулся не той же дорогой, а в объезд – через мост Джонс-Бич вплоть до городка Меррик, там свернул на Медоубрук-Паркуэй, а оттуда доехал до Лонг-Айлендской автомагистрали, по мосту Уайстстоун попал в Бронкс и наконец прибыл домой на Манхэттен.

Глава 7

Ночью перед покушением на дона Корлеоне его самый верный и опасный приспешник готовился к встрече с врагом. Несколькими месяцами ранее Лука Брази – по личному приказу дона – вышел на Солоццо. Для этого он начал мелькать в клубах, принадлежащих семье Татталья, и снял там самую дорогую девочку. В ее-то постели он и пожаловался, что у Корлеоне его не ценят, не дают воли. Через неделю к Луке подошел управляющий клубом, Бруно Татталья. Младший сын в Семье, он не был связан с проституцией напрямую, но для длинноногих и стройных красоток-танцовщиц его ночной клуб служил чем-то вроде подготовительных курсов перед выходом на панель.

Первый разговор вышел формальным. Татталья предложил Луке перейти на службу к его Семье в качестве исполнителя. Брачные танцы длились около месяца. Лука играл роль ухажера молодой красотки, а Бруно – предпринимателя, который желал увести способного менеджера у конкурента. Во время одной из встреч Лука как будто поддался, но затем сказал:

– У меня есть условие. Я никогда не пойду против крестного отца. Я уважаю дона Корлеоне. Просто его сыновья для него важнее.

Бруно Татталья был из нового поколения и в глубине ду-

ши презирал дряхлых «усатых Питов» вроде Луки Брази, до-на Корлеоне и даже собственного отца. Только хорошее воспитание заставляло его скрывать эти чувства.

– Мой отец и не станет тебе предлагать выступить против Корлеоне. Зачем? Сейчас не те времена; все живут мирно. Просто если ты ищешь новую работу, я могу замолвить за тебя словечко. Чтобы наш бизнес шел гладко, нужны жесткие люди вроде тебя. Дай знать, как что-то решишь.

– Я пока не настолько отчаялся, – Лука пожал плечами. На том и покончили.

Замысел заключался в следующем: убедить Татталью, будто Лука узнал о наркотиках и хочет завести прибыльное дело на стороне. Это дало бы ему возможность краем уха слышать, что задумал Солоццо и не собирается ли он ставить палки в колеса дону Корлеоне. Продав два месяца безрезультатно, Лука отчитался, что, по всей видимости, Солоццо принял поражение с достоинством. Дон же велел не прекращать попыток войти в доверие, но без фанатизма.

Накануне покушения Лука снова заглянул в ночной клуб. Почти сразу же к нему за столик подсел Бруно Татталья.

– Один мой друг хочет с тобой переговорить.

– Так веди его, – произнес Лука. – Отчего бы не переговорить, если друг.

– Он хочет встретиться с глазу на глаз.

– И кто же это? – спросил Лука.

– Просто друг. У него к тебе предложение. Можешь встре-

титься с ним попозже?

– Ладно. Когда и где?

– Клуб закрывается в четыре, – тихо произнес Бруно. – Никого не будет, только персонал, вот и поговорите.

Изучили его привычки – значит, следили, отметил Лука. Он и в самом деле просыпался в три-четыре часа дня, завтракал, потом либо играл в карты с друзьями по Семье, либо резвился с девчонкой. Иногда ходил в кино на полуночные сеансы, а потом заваливался в какой-нибудь клуб пропустить стаканчик-другой. Ложился спать он только перед рассветом, так что встреча в четыре утра не представлялась столь уж дикой.

– Договорились. К четырем вернусь.

Лука вышел из клуба и взял такси до своих апартаментов на Десятой авеню. Он снимал жилье у итальянской семьи – каких-то дальних родственников. Его две комнаты в конце коридора отделяла перегородка с дверью. Это, с одной стороны, обеспечивало некое подобие семейной жизни, а с другой – не давало в неподходящий момент застичнуть его врасплох.

«Хитрый турецкий лис готовится показать свой пушистый хвост», – подумал Лука. Если зайдет достаточно далеко и подставится, возможно, удастся разрешить дело сегодня же – вот будет подарок для дона к Рождеству!

Лука выволок из-под кровати сундук и достал оттуда тяжелый бронежилет. Раздевшись до шерстяного белья, обла-

чился в жилет, потом натянул поверх рубашку и пиджак. Он подумал было позвонить дону на Лонг-Бич и сообщить, но знал, что дон никогда и ни с кем не разговаривает по телефону. К тому же задание было тайным, а значит, никто – даже Хейген или старший сын – не должен о нем знать.

Лука всегда носил с собой пистолет. У него была на это лицензия – вероятно, самая дорогая в истории. Она обошлась в целых десять тысяч долларов, но ни один полицейский не мог задержать Луку при обыске. Лицензия полагалась ему как главному киллеру Семьи. Однако сегодня, если вдруг получится решить вопрос раз и навсегда, нужна была «чистая» пушка, которую нельзя отследить. Впрочем, взвесив все, Лука решил оружия не брать. Он просто выслушает предложение и доложит крестному отцу, а там видно будет.

Больше он не пил. Просто вышел на 48-ю улицу и спокойно поужинал в своем любимом итальянском ресторанчике «Пэтсиз». Когда подошло назначенное время, он неторопливо побрел в клуб. Швейцара у входа уже не было, девочка-гардеробщица тоже ушла. Луку встретил только Бруно Татталья и проводил к барной стойке в дальней части зала. Вокруг были пустые столики и полированный деревянный танцпол, сверкающий, словно одинокий бриллиант. Площадка для музыкантов тонула в тени, и лишь костью торчал металлический отросток микрофона.

Лука присел за стойку, а Бруно Татталья зашел на место бармена. От напитков Лука отказался и закурил сигарету.

Не исключено, что на встречу придет не сам Турок, а кто-то еще. Однако из тени в дальнем конце зала появился именно Солоццо.

Он пожал Луке руку и присел на соседний стул. Татталья поставил перед Турком стакан, тот благодарно кивнул.

– Знаешь, кто я? – спросил Солоццо.

Лука кивнул и мрачно усмехнулся. Вот крыса и высунулась из норы. Разобраться с этим позором сицилийского рода будет одно удовольствие.

– Знаешь, что я собираюсь тебе предложить? – спросил Солоццо.

Лука мотнул головой.

– Я планирую большой бизнес. Тем, кто будет им рулить, он принесет миллионы. За первую поставку я гарантирую тебе пятьдесят тысяч. Речь о наркотиках. Очень скоро они станут крупной темой.

– А почему ты обращаешься ко мне? Хочешь, чтобы я поговорил с доном?

– Я уже говорил с твоим доном, – проворчал Солоццо. – Он не хочет в это влезать. Ничего страшного, сам справлюсь. Но мне нужен кто-то сильный, чтобы обеспечивать безопасность. Насколько я понял, ты недоволен своим положением в Семье и не прочь переметнуться.

– Если предложение меня интересует, – неопределенно ответил Лука.

Солоццо все это время внимательно наблюдал за собесед-

ником и, видимо, принял решение.

– Обдумай мои слова, а через пару дней поговорим снова.

С этими словами он протянул руку, но Лука полез за сигаретой и сделал вид, будто не заметил. В руке Бруно Таттальи откуда ни возьмись возникла зажигалка, он чиркнул ей и поднес к кончику сигареты. А затем произошло странное: Бруно уронил зажигалку на стойку и крепко схватил Луку за правое запястье.

Лука среагировал мгновенно. Соскользнув со стула, он попытался вывернуться, однако Солоццо успел схватить его за левую руку. Лука все равно справился бы с обоими, если б из темноты сзади не появился третий и не накинул ему на шею шелковую удавку. Луке стало нечем дышать. Его лицо посинело; вместе с воздухом уходили и силы. Теперь Татталья с Солоццо держали его легко, будто дети в хороводе, а убийца все туже затягивал шнур. Под ногами стало мокро и скользко – это расслабились мышцы, и организм Луки выпустил из себя все содержимое. Наконец иссякли последние силы, колени подкосились, тело обмякло. Солоццо и Татталья отпустили Луку, и только убийца подался вниз вслед за жертвой. Он дернул сильнее – шнур впился в кожу шеи и исчез в складках. Глаза Луки выпучились как будто от удивления; ничего человеческого, кроме этого изумленного выражения, в его лице не осталось. Лука Брази был мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.